



ЗА И ПРОТИВ

ОБСУЖДЕНИЕ
ВАРИАНТОВ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ



ЗА
И
ПРОТИВ

ОБСУЖДЕНИЕ
ВАРИАНТОВ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Так ли велики современные вызовы НАТО, как те, что были во времена «холодной войны»?	7
Андрес Ортега ПРОТИВ Томаса Валашека Дебаты Зима 2003 г.	
Должен ли Европейский союз уметь делать все то, что умеет НАТО?	15
Фрейзер Кэмерон ПРОТИВ Эндрю Моравчека Дебаты Осень 2003 г.	
Насколько эффективно упреждение в качестве средства борьбы с распространением ОМП?	25
Макс Бут ПРОТИВ Гаральда Мюллера Дебаты Лето 2003 г.	
Насколько глобальной может и должна быть роль НАТО?	33
Стив Ларраби ПРОТИВ Франсуа Хейсубрга Дебаты Весна 2003 г.	
Является ли военная мощь по-прежнему ключом к обеспечению международной безопасности?	42
Стивен Эвертс ПРОТИВ Гэри Шмита Дебаты Зима 2002 г.	
Может и должна ли Европа ликвидировать разрыв в военном потенциале?	51
Ив Бойер ПРОТИВ Буркарда Шмита Дебаты Осень 2002 г.	
Должен ли контртерроризм стать новой функцией НАТО?	60
Даниэл С. Хэмилтон ПРОТИВ сэра Тимоти Гардена Дебаты Лето 2002 г.	
Сможет ли НАТО оставаться эффективным военно-политическим союзом при продолжении процесса расширения?	69
Рональд Д. Асмус ПРОТИВ Чарльза Гранта Дебаты Весна 2002 г.	
Биографии участников дискуссий	78

ВВЕДЕНИЕ

Иногда даже удивительно, какие огромные изменения могут происходить за такое короткое время. На рубеже XXI века мало кто из специалистов, а может и вообще никто не мог предсказать ход будущих событий или темпы их развития в первые его годы. Однако эти события оказали большое воздействие на международную политику вообще, и на трансатлантические отношения и НАТО, в частности. Период, начавшийся после террористических нападений на США 11 сентября 2001 г., был особенно напряженным и насыщенным. Более того, именно для того времени характерны беспрецедентные примеры солидарности и расхождений в Североатлантическом союзе, вызванные стремлением союзников по НАТО адаптироваться к новой стратегической обстановке. На следующий день после 11 сентября 2001 г. НАТО впервые в своей истории применила ст. 5 Вашингтонского договора - положение о коллективной обороне основополагающей хартии Североатлантического союза. Тогда, в преддверии военной кампании под руководством США в Ираке в марте и апреле 2003 г. союзники стремились разрешить вопрос выбора оптимальной стратегии борьбы с Саддамом Хусейном. Затем в августе 2003 г. после возобновления духа сотрудничества и изменений в очередности своих приоритетов Североатлантический союз официально принял на себя руководство Международными силами содействия безопасности в Афганистане, выполняющими миротворческую миссию в Кабуле и прилегающих к нему районах.

После 11 сентября 2001 г. НАТО пришлось принимать трудные решения о своем будущем. В соответствии с этим Североатлантический союз приступил к беспрецедентному процессу преобразований, чтобы обеспечить свою готовность так же эффективно противодействовать вызовам безопасности XXI века, как он противодействовал вызовам прошлого века. Более того, эта программа реформ носит самый масштабный характер по сравнению с любыми реформами, когда-либо проводившимися международной организацией. Однако современная стратегическая обстановка настолько сложна, что не всегда удается сразу определить, какие направления политики лучше содействуют упрочению стабильности и безопасности, или где НАТО лучше использовать свои ресурсы. Поэтому широкая дискуссия, которая продолжается в Североатлантическом союзе, дискуссия, дающая силу и энергию трансатлантическому партнерству, образующему основу Североатлантического союза, получает отражение в каждом выпуске *Вестника НАТО*.

Раздел «Дебаты» стал одним из наиболее популярных в «*Вестнике НАТО*» и появляется в каждом выпуске журнала. В нем два ведущих специалиста обсуждают в письменном виде какую-нибудь актуальную тему, связанную с обеспечением безопасности и политикой Североатлантического союза. Форма такой дискуссии проста и предполагает обмен письмами между двумя ее участниками. Таким образом, первый участник дебатов излагает свою точку зрения, а второй отвечает на доводы, содержащиеся в первом письме. Затем каждому участнику дискуссии предоставляется возможность дважды ответить на доводы другого. Хотя ожидается, что все участники дебатов будет стремиться максимально обосновать свои взгляды, цель дискуссии не в том, чтобы выявить победителя или проигравшего, а содействовать интеллектуальному, творческому и интересному обсуждению рассматриваемых проблем и, прежде всего, генерировать идеи. Форма подобной дискуссии идеально подошла для издания, задача которого состоит в том, чтобы содействовать конструктивному обсуждению атлантических вопросов. Более того, она явно нравится читателям, поскольку судя по статистическим данным именно раздел «Дебаты» *Вестника НАТО* стал одним из наиболее посещаемых разделов сайта НАТО. Особенно приятно то, что все полемические материалы хорошо выстояли испытание времени и сохранили свою актуальность. Это подчеркивает непреходящую значимость предлагаемой подборки из восьми полемических статей, опубликованных в журнале в 2002-2003 годах.

Книга построена по хронологическому принципу. Она открывается последней статьей, опубликованной в зимнем выпуске 2003 года *Вестника НАТО*, и заканчивается первым полемическим материалом из весеннего выпуска 2002 года. Те, кто интересуется стратегическими вопросами, стоящими сегодня перед НАТО, а также современными и будущими проблемами безопасности, влияющими на наши страны, эти дебаты дают уникальную возможность лучше разобраться в их сути.

ТАК ЛИ ВЕЛИКИ СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ НАТО, КАК ТЕ, ЧТО БЫЛИ ВО ВРЕМЕНА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»?



Андрес Ортега

Андреас Ортега - обозреватель
газеты «Эль-Пайс»

НЕТ



ДА

Томас Валашек



Томас Валашек - директор брюссельского
отделения Центра оборонной информации

Уважаемый Томас!

Помните ли Вы те времена, когда Европе угрожала опасность тотальной войны с реальной возможностью эскалации этого конфликта в ядерную конфронтацию? В начальный период «холодной войны» до разрядки одна часть Европы фактически стала заложницей политики сдерживания, а остальная ее часть была под советским сапогом. Сегодня легко принижать опасность превращения этих невероятных событий в реальность. Однако бывало, как например, во время Берлинского и Карибского кризисов, что угроза Армагеддона казалась весьма реальной. В то время задача НАТО была совершенно ясной, т.е., по выражению, приписываемому первому генеральному секретарю НАТО лорду Исмею, - «вовлечь американцев, не допустить русских и держать в узде немцев». Трансатлантический союз был сердцевинной европейской архитектуры безопасности и имел важнейшее значение при урегулировании кризисов, возникавших как в отношениях с другой стороной (выступление единым фронтом), так и в отношениях на нашей стороне, цементируя отношения между союзниками.

Я думаю, что нам нужно обсудить два вопроса. Первый - была ли тогда угроза больше, чем та, с которой мы столкнулись сегодня или можем столкнуться в обозримом будущем. Второй вопрос - готова ли НАТО к противодействию современным вызовам и вообще является ли она наиболее подходящей организацией для выполнения этой задачи. В понимании большинства под современными угрозами безопасности понимаются, прежде всего, угрозы, исходящие от терроризма или, точнее, «терроризмов». Я использую здесь множественное число, так как общепринятого определения терроризма не существует, а терроризм, несомненно, принимает разнообразные формы, к каждой из которых необходим свой подход.

Неоспоримо, что терроризм существует давно и, конечно же, появился еще до окончания «холодной войны». Однако, хотя террористы виновны во многих чудовищных преступлениях, они никогда не представляли смертельной угрозы миру. В своей самой ужасной форме угроза терроризма должна рассматриваться наравне с угрозой оружия массового уничтожения (ОМУ), хотя в действительности террористы никогда не использовали такое оружие. Во всяком случае, пока не использовали. Ясно, что страшное сочетание терроризма и ОМУ создает ужасающую угрозу. Однако различие между такой угрозой и угрозой гарантированного взаимного уничтожения времен «холодной войны» заключается в том, что последняя ставила под вопрос само наше существование.

Однако бывало, что угроза Армагеддона казалась весьма реальной

По вышеуказанным причинам я считаю, что современные угрозы имеют меньший масштаб, как применительно к Европе, так и к США, чем те, с которыми мы сталкивались во время «холодной войны» и, в частности, в пятидесятые и

шестидесятые годы прошлого столетия. После падения СССР угроза Армагеддона исчезла, США стали единственной сверхдержавой, и у американцев появилось почти небывалое ощущение безопасности. В отличие от этого европейцы никогда не имели такой роскоши и даже после «холодной войны» сохранили ощущение своей уязвимости в результате войн, приведших к распаду Югославии, и террористических актов, имевших место в ряде стран. Хотя террористические акты, совершенные 11 сентября 2001 г. в США, потрясли весь мир, такое потрясение было, несомненно, значительно большим в США. Этим объясняется их современное ощущение отсутствия безопасности. Даже с учетом этого, события 11 сентября 2001 г. не несли собой смертельной угрозы американцам. Они скорее обнажили уязвимость американцев, да и остальной части западного мира, перед лицом несимметричных и нетрадиционных угроз.

Так как террористическую угрозу невозможно отразить чисто военными средствами, НАТО, как военно-политический союз, не обязательно является наиболее подходящей организацией для координации ответных мер. Это не означает, что в широкомасштабной стратегии борьбы с терроризмом отсутствует военный компонент. Военная мощь, несомненно, может быть эффективно использована, например, для вмешательства в недееспособные государства, такие как Афганистан, чтобы предотвратить превращение их в центры проведения операций таких организаций, как «Аль-Каида». Однако единственным эффективным и долговременным подходом к борьбе с терроризмом должно быть, насколько это возможно, стремление к устранению его корней. Это должно включать в себя использование социальных, экономических и политических инструментов, а также проведение эффективных полицейских мер, что в комплексе приведет к более долгосрочным результатам, чем использование исключительно военной силы. Более того, попытки говорить о «войне с терроризмом» или милитаризовать концепции и ответные меры в борьбе с терроризмом могут оказаться деструктивными.

Эффективные полицейские меры и обмен разведывательной информацией, в том числе расширение международного сотрудничества, имеют важнейшее значение в борьбе с терроризмом. В этом смысле такие страны как Испания, Италия и Франция, вероятно, лучше готовы к этому, чем большинство других, включая США, в результате существования у них жандармерии, карабинеров и гражданской гвардии - полицейских подразделений, имеющих военную организацию, которые действуют в масштабах всей страны. В результате опыта борьбы с организацией «ЕТА» Испании мы, например, выработали эффективные антитеррористические стратегии. Тем не менее, угроза со стороны «ЕТА», конечно же, весьма отличается от терроризма смертников, который мы наблюдаем почти ежедневно в Израиле, а теперь и в Ираке. Более того, опыт этих конфликтов, видимо, показывает, что чем больше опора на военные решения, тем стремительнее растет террористическая угроза.

Современные угрозы безопасности, несомненно, серьезны и их не следует недооценивать. Как и во время «холодной войны» их нельзя устранить без эффективного трансатлантического сотрудничества, и НАТО призвана сыграть в этой области важную роль. Однако, само наше существование уже не в опасности. Поэтому и современный вызов безопасности не так велик. Как следствие этого возрастает трудность поддержания единства Североатлантического союза и создания консенсуса по вопросу того, как отражать современные угрозы.

С уважением,

Андрес

Уважаемый Андрес!

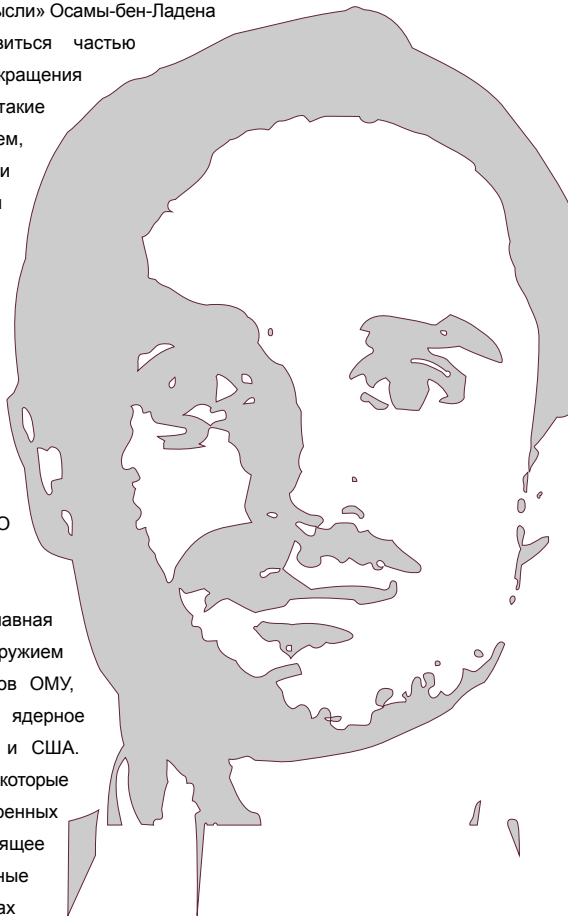
Вы правы. Современная угроза не равноценна угрозе, существовавшей во время «холодной войны». Она не приведет к полному уничтожению человечества, что могло случиться в эпоху соперничества между сверхдержавами. Однако, подобное узкое сравнение, в общем, бессмысленно. Хотя смертельная угроза исчезла, современные вызовы могут все же иметь больший по сравнению с ней масштаб.

Для руководителя любой цивилизованной страны сама мысль о том, что террористы могут взорвать в крупном городе пусть даже один ядерный или биологический боеприпас, так же неприемлема, как и полномасштабный обмен ракетными ударами. Такого понятия, как терпимый ядерный ущерб, не существует. Десять, двадцать или пятьдесят тысяч погибших - это также абсурдно и недопустимо, как и сто миллионов.

Таковы сегодня максимальные ставки. Какова же вероятность того, что террористы могут успешно применить оружие массового уничтожения? Это уравнение определяют три фактора: намерения противника, его наступательный потенциал и оборонительный потенциал возможной цели - в данном случае государств-членов НАТО.

Намерения легче всего поддаются оценке. Мало кто будет возражать, что если бы у «Аль-Каиды» была бы ядерная бомба 11 сентября, она бы ее использовала. Новый терроризм носит беспрецедентный характер, потому что он по сути своей нигилистичен. Экстремисты из «школы мысли» Осамы-бен-Ладена не намерены принимать современные ценности и становиться частью международной системы, а поэтому у них нет стимулов для прекращения насилия. «Традиционные» террористические организации, такие как «ЕТА» или «ИРА», всегда шли на прекращение огня, с тем, чтобы сохранить некоторую степень респектабельности и держать дверь открытой для будущих договоренностей со своим «противником». Те, кто направлял прежнюю ядерную угрозу - советские аппаратчики - вообще не хотели умирать за общее дело, и поэтому их можно было удерживать от нападения реальной угрозой ответного ядерного удара. Однако для террористов, намеренных подорвать экономическую и политическую основу Запада, чем разрушительней удар, тем лучше. Их не ужасает такая возможность, они считают, что умереть в атаке - это добродетель и доблесть. Что касается «Аль-Каиды», то, цитируя проект стратегии обеспечения безопасности, составленный бывшим генеральным секретарем НАТО Хавьером Соланой: «сдерживание потерпит неудачу».

Говоря о наступательном потенциале, следует отметить, что главная опасность заключается в соединении терроризма смертников с оружием массового уничтожения. Существует целый ряд различных типов ОМУ, но самую большую тревогу вызывает, несомненно, тактическое ядерное оружие, несколько тысяч единиц которого остается в России и США. В прошлом ходили слухи о пропавшем тактическом ядерном оружии, которые настойчиво отвергались Кремлем. В большинстве отчетов, построенных на открытых источниках, существует единое мнение, что в настоящее время такое оружие, видимо, надежно охраняется, но сомнительные нормы обеспечения безопасности на российских ядерных объектах



свидетельствуют об опасности его хищения в будущем. По некоторым сообщениям подозреваемые террористы уже провели разведку российских ядерных объектов, предположительно для того, чтобы завладеть бомбами или материалами для их изготовления. Если они их получат, то большую ли трудность составит доставить их на Запад? Никто не знает этого точно, но тревожит то, что задача эта вполне решаема. Лишь около трех процентов от общего числа грузовых контейнеров, прибывающих в США, подвергается контролю в порте въезда, но у США имеется относительное преимущество по сравнению с Европой, так как они отделены от вероятного источника ОМУ океаном.

***Хотя смертельная угроза
исчезла, современные вызовы
могут все же иметь больший по
сравнению с ней масштаб***

Вопрос надежности нашей защиты от новых угроз все еще остается открытым. На практике мы стали принимать меры по борьбе с катастрофическим терроризмом только после 11 сентября 2001 г. Первый рубеж обороны пролегает в тех местах, которые НАТО рассматривает как находящиеся вне зоны своей ответственности. Перекрыть террористам доступ к ОМУ - это ключевой фактор в предотвращении террористических актов в будущем, а наиболее вероятные источники такого оружия находятся по соседству с бывшим Советским Союзом. Однако политическая линия на создание заслона угрозам в других странах возникла как в результате отсутствия других вариантов, так и по причинам ее эффективности. Откровенно говоря, возможности западных стран в повышении степени своей внутренней безопасности ограничены необходимостью сохранять свободу и открытость своей экономики.

Современный терроризм - это по определению потенциально катастрофическая угроза. Вероятность и остроту этой угрозы невероятно трудно оценить, что частично связано с ее очевидной новизной, а также с комплексным характером этого вызова. Однако она создает совершенно мрачную вероятность применения ОМУ против различных городов западных стран. Так как ставки велики, то борьба с терроризмом требует не меньшей целеустремленности и единства цели, чем те, что были характерны для стран НАТО во время «холодной войны» (хотя, к счастью, не таких же финансовых затрат и военных сил и средств). Исходя из этого критерия катастрофический терроризм - явление того же разряда, что и советская угроза.

С уважением,

Томас

Уважаемый Томас!

Я предпочел бы не начинать дискуссию о том, что «десять, двадцать или пятьдесят тысяч погибших - это также абсурдно и недопустимо, как и сто миллионов». Тем не менее, различие здесь имеется, и оно носит экзистенциальный характер.

***Хотя террористы виновны во
многих чудовищных преступлениях,
они никогда не представляли собой
смертельной угрозы миру***

Вы говорите, что «намерения легче всего поддаются оценке», что «мало кто будет возражать», что если бы 11 сентября у «Аль-Каиды» была ядерная бомба, то она бы ее использовала, а также что характер «нового терроризма» «по сути своей нигилистичен».

Дискуссия о «намерениях» или «военном потенциале» так же стара, как сама НАТО, и даже старше. Если мы будем судить по намерениям, то никогда не сможем ощущать себя в достаточной безопасности. Что касается потенциала, то самым дьявольским, но не самым катастрофическим аспектом событий 11 сентября было то,

что нападающие не использовали оружие в традиционном смысле. Вместо этого они применили против нас наши собственные технологии, превратив пассажиров самолетов в летающие бомбы. Если бы у «Аль-Каиды» была ядерная бомба, и она ее применила, то в качестве возмездия за это большая часть Афганистана была бы, несомненно, уничтожена.

Сейчас стало модным говорить о террористах как нигилистах. Но, может быть, это не так. На меня большое впечатление произвели исследования профессора Роберта Рейпа из Университета Чикаго, который провел анализ всех 188 террористических актов, совершенных смертниками в период с 1980 по 2001 гг. Он пришел к выводу о том, что подобное применение террора предельно эффективно, оно не имеет прямой связи с религиозным угаром и ставит себе стратегическую цель. Так что, это никак не связано с нигилизмом.

В будущем нам предстоит заняться угрозой, исходящей от ОМУ, независимо от того, находится ли оно в руках террористических организаций или государств. Это потребует превентивных действий, но не в том смысле, в котором в настоящее время их понимает Вашингтон. Напротив, будет важно вновь использовать подход, принятый США после распада Советского Союза для убеждения Украины и других постсоветских государств отказаться от своего ядерного оружия, или даже того, что Европа в настоящее время использует по отношению к Ирану. Нам необходимо также усилить международные режимы. В этой связи нельзя сказать, что отказ от ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия и подобных международных соглашений дает хороший пример. Перефразируя слова премьер-министра Великобритании Тони Блэра, сказанные им сразу после 11 сентября, можно сказать, что нам необходимо занять жесткую позицию не только по вопросу терроризма, но и его корней, причем сделать первое в краткосрочной перспективе, а второе - в долгосрочной. Такие направления деятельности, как сотрудничество между полицейскими, международное развитие и даже совершенствование способов интеграции иммигрантов в наших странах, имеют первостепенное значение для решения этой задачи, и ни одно из них не может быть полностью реализовано военно-политической организацией. Милитаризация борьбы с терроризмом может быть ошибкой. Более того, одним из последствий военной кампании в Ираке стало то, что терроризм там не был серьезной проблемой, а теперь он стал ею.

С уважением,

Андрес

Уважаемый Андрес!

Вы пишете, что: «Если мы будем судить по намерениям, то никогда не сможем ощущать себя в достаточной безопасности». Я полностью с этим согласен и именно поэтому в первом письме я так подробно говорю о потенциале, как оборонительном, так и наступательном. При взгляде через подобную призму

соединение терроризма и ОМУ представляет собой классическое маловероятное явление огромной разрушительной силы. Как бы Вы ни пытались принижать его разрушительный потенциал, он имеет большое значение. Оно переводит вероятность удара с применением ОМП по одному из городов стран Запада разрядностью полностью неприемлемых, т.е. в категорию, которая была раньше закреплена за советским ядерным оружием.

Для террористов, намеренных подорвать экономическую и политическую основу Запада, чем разрушительней удар, тем лучше

Что касается намерений, то боюсь, Вы игнорируете свой собственный совет, процитировав работу профессора Пейпа в качестве доказательства ограниченности целей «Аль-Каиды». Мы оба согласны, что существуют различные типы

терроризма. Так как Вы знакомы с указанным исследованием, то должны знать, что из 188 террористических актов с взрывами бомб, проанализированных профессором Пейпом, лишь шесть были совершены «Аль-Каидой». Подавляющее большинство других были связаны с ударами палестинцев по целям в Израиле и «тамильских тигров» по индийским силам во время «холодной войны», преимущественно в восьмидесятих годах прошлого столетия. Это практически ничего не говорит о современных намерениях «Аль-Каиды». Там совершенно другие цели и другое время.

Я не разделяю Вашу веру в нашу способность удержать террористов от использования ОМУ, да ее не разделяют и авторы проекта стратегии в области обеспечения безопасности Европейского союза. Сдерживание - это большая неуклюжая дубина, которая мало в чем может помочь в борьбе с негосударственными субъектами с инстинктом смерти. Пятнадцать из девятнадцати участников террористического акта 11 сентября были гражданами Саудовской Аравии. Если бы они использовали ОМУ, то Вы бы, наверно, предложили, чтобы США нанесли ядерный удар по Саудовской Аравии? А как насчет Пакистана, на восточных границах которого царит беззаконие и там может быть база, откуда действует Осама-бен-Ладен? Проблема ясна. В большинстве случаев возмездие обречено на провал. Любая угроза уничтожающего, возможно, ядерного ответного удара всегда будет пустыми словами. Вы это знаете. Я знаю. Террористы тоже знают, а поэтому сдерживание вряд ли даст результаты.

Это не призыв взять в руки оружие, несмотря на то, что Вы, судя по всему, уравниваете предупреждение об угрозе с поиском «военного решения». Я также считаю, что нам нужно занять жесткую позицию по вопросу терроризма и его причин. Но трансатлантический стереотип ура-патриотического Вашингтона, которым Вы, к сожалению, пользуетесь, не выдерживает критики, когда заходит речь о работе по искоренению причин терроризма, такой как восстановление недееспособных государств. Например, в случае Афганистана США (в соответствии с данными Всемирного банка) являются крупнейшим плательщиком взносов на нужды послевоенного восстановления этой страны.

Опасность, существующая в сочетании ОМУ с терроризмом, должна послужить призывом к единству цели. В исторической перспективе самой сильной стороной НАТО была выработка сводимых воедино стратегий в области обеспечения безопасности. Это было действенным средством против советской угрозы. Это остается ключевым фактором в снятии остроты угрозы катастрофического терроризма.

С уважением,

Томас

Уважаемый Томас!

Я считаю, что вы искажаете мои слова. Например, я никогда не говорил о «сдерживании» применительно к террористам, я говорил о превентивных мерах. В этой связи хочу отметить, что в стратегическом документе ЕС вместо термина «превентивная акция» использован термин «превентивное воздействие». Он не только с трудом поддается переводу на другие языки, но и обычно ассоциируется с использованием военной силы. Последний вариант этого документа подвергся пересмотру в свете трудностей, связанных с попытками добиться мира в Ираке, и уже отличается от документа, представленном на саммите в Салониках, проводившемся сразу после военной победы.

Я ни в коем случае не поддерживаю «стереотип ура-патриотического Вашингтона» и твердо верю в то, что хорошие трансатлантические отношения необходимы для Европы и глобального добросовестного управления. Я упомянул статью Пейпа для того, чтобы показать, что даже оголтелые террористы-смертники - в том числе и глобальное сообщество, называемое «Аль-Каида», - имеют стратегическую цель, а не «ограниченные цели», как Вы приписываете моим словам.

**Само наше
существование уже
не в опасности**

Потенциал? Все может стать боевым потенциалом для этих террористов, как им стали угнанные 11 сентября гражданские самолеты. Это одна из причин, по которым борьба против терроризма не может быть исключительно или даже преимущественно делом военных. Войны должны заканчиваться как можно быстрее. Эта же борьба, боюсь, будет продолжаться еще очень долго.

С моей точки зрения превентивные меры, укрепление международных режимов в борьбе с распространением ОМУ и ликвидация коренных причин насилия - вот ключ к борьбе с террористической угрозой. Однако решения можно найти лишь на основе прочного взаимопонимания, пусть при разногласиях, между объединенной Европой и США в рамках «эффективных многосторонних отношений» - это еще одна цитата из проекта стратегического документа ЕС - и, в конечном счете, разумной политики. Это трудная задача, стоящая перед Европейским союзом, НАТО и США.

Мне кажется, что Вы так и не ответили на мои первые вопросы, которые должны были определить содержание нашей дискуссии. Так ли велики угрозы, с которыми сталкиваемся сегодня мы и НАТО, как те, что были во время «холодной войны»? Подготовлена ли НАТО к отражению современных вызовов и, вообще, является ли она наиболее подходящей для этого организацией? В обоих случаях мой ответ - «нет» с оговорками. Это не означает, что НАТО утратила свою полезность. Это не так. Но ее назначение сегодня весьма отличается от того, что было в прошлом.

С уважением,

Андрес

Уважаемый Андрес!

Пусть читатели сами решают, искажил ли я Ваши взгляды. Однако позвольте отметить, что суть расхождений заключается в том, как рассматривать терроризм типа «Аль-Каиды» - как старую угрозу в новом облике или как принципиально новую угрозу. Я утверждаю, что он отличается и по своим целям, и, что более важно, по потенциально имеющимся у него средствам уничтожения. Последний доклад Комитета ООН по санкциям в

отношении «Аль-Каиды» и «Талибана» (как известно, ООН не славится стремлением к развязыванию войны) предупреждает: «Риск того, что «Аль-Каида» приобретет и будет использовать оружие массового уничтожения также продолжает увеличиваться. Ее участники уже приняли решение использовать химическое и биологическое оружие в своих будущих террористических актах. Единственный сдерживающий их фактор - техническая сложность правильного и эффективного применения такого оружия». Я считаю, что здесь не требуется пояснений.

***Сдерживание - это большая
неуклюжая дубина, которая мало
в чем может помочь в борьбе с
негосударственными субъектами с
инстинктом смерти***

Несмотря на это, наши взгляды сходятся по значительно более широкому кругу вопросов, чем кажется. Я особенно рад тому, что Вы считаете, что: «Хорошие трансатлантические отношения необходимы для Европы и глобального добросовестного управления».

НАТО служит выражением лишь одного, хотя и важного, аспекта этих отношений - военного сотрудничества. Я думаю, что Вы сужаете тему вопросом о том, является ли Североатлантический союз ответом терроризму. Эти усилия, несомненно, должны быть значительно шире, чем те, для которых создана НАТО. Как мы оба отмечали выше, для этого требуются действия на различных фронтах, таких как разведка, внешняя политика и помощь развитию. Однако НАТО лучше, чем любой другой предшествовавший союз, приспособлена к организации совместных военных акций против терроризма, если таковые потребуются. Она добилась замечательного прогресса в адаптации своей политики и военного потенциала к новому вызову, несмотря на всю недавнюю напряженность и разногласия. Это само по себе свидетельствует о серьезности угрозы.

С уважением,

Томас

ДОЛЖЕН ЛИ ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ УМЕТЬ ДЕЛАТЬ ВСЕ ТО, ЧТО УМЕЕТ НАТО?



Фрэйзер Камерон - директор отдела научных исследований брюссельского Центра по европейской политике

Фрэйзер
Кэмерон

ДА



Эндрю Моравчик - профессор кафедры государственного управления и директор программы Европейского союза в Центре по европейским исследованиям Гарвардского университета

НЕТ

Эндрю
Моравчик



Уважаемый Эндрю!

Ряд аналитиков, как и Вы, выступает за новую трансатлантическую сделку, суть которой заключается в том, что США будут заниматься стряпней, а Европейский союз будет мыть посуду. Такая «новая кухня» может в кратковременной перспективе показаться соблазнительной, но в долгосрочном плане это верный способ ухудшить, а не улучшить трансатлантические отношения. Европе необходимо обеспечивать свою собственную безопасность и при любой возможности совместно с США повышать свою роль в обеспечении региональной и глобальной безопасности.

Следует напомнить, что обеспечение безопасности всегда было одной из задач Европейского союза. Его основатели избрали угольную и сталелитейную промышленность как основу своего уникального эксперимента в области интеграции. Однако движущими силами интеграции были мир и безопасность, сначала в Европе, а затем во всем мире. После провала планов создания европейского оборонного сообщества в 1954 г. вопрос обороны был снят с повестки дня интеграции вплоть до окончания «холодной войны». С падением коммунизма в 1989 г. геополитическая обстановка в Европе преобразилась, что открыло двери для возобновления дискуссии по оборонному вопросу в Маастрихте.

Маастрихтский договор вызвал к жизни общую внешнюю политику и политику в области безопасности (ОВПБ). Европейского союза. Трудно было выбрать худшее время для принятия ОВПБ, особенно с учетом того, что войны, расколовшие Югославию, выявили слабости и расхождения в Европе. Тем не менее, Европейский союз начал постепенно выстраивать свою политику в этой области. Были утверждены так называемые «петербургские задачи», которые включали в себя миротворчество и миссии по принуждению к миру. Для руководства этой политикой в ЕС были созданы новые структуры, в том числе пост высокого представителя по вопросам ОВПБ, который в настоящее время занимает Хавьер Солана, и Комитет по вопросам политики и безопасности (аналог Североатлантического совета НАТО). Под воздействием Франции и Великобритании Европейский союз также принял решение создать силы быстрого реагирования и устранить некоторые пробелы в своем военном потенциале, наглядно проявившиеся во время кризиса в Косово.

Совсем недавно, несмотря на расхождения по Ираку, Европейский союз приступил к выполнению трех миротворческих миссий в Боснии и Герцеговине, бывшей югославской Республике Югославии* и Конго. Ведется также подготовка к другим миссиям. Тысячи европейских миротворцев уже находятся на Балканах, в Афганистане и в других регионах мира. Более того, Европейский союз утвердил основные направления политики по борьбе с оружием массового поражения и его распространением, а Х.Солана выработал новый проект политической доктрины обеспечения безопасности.

**«Интеллектуальная» помощь
и «интеллектуальная»
политика не менее важны, чем
«интеллектуальные» бомбы**

Таким образом, за период чуть больше десяти лет, Европейский союз уже прошел большой путь в области безопасности. В каком направлении пойдет он теперь? По этому поводу существует две точки зрения. Первая, точка зрения «Блэра», в соответствии с которой господствующее положение США в

современном мире настолько прочно, что единственной надеждой Европы влиять на их поведение остается быть верным союзником, никогда не критикуя их публично. Вторая, точка зрения «Ширака», исходит из того, что Европейский союз и США по-разному воспринимают мир и поэтому Европа должна преследовать свои цели и всесторонне развивать свой потенциал.

Я совершенно не сомневаюсь в том, что в долговременной перспективе Европе предстоит принять подход Ширака. Почему? Во-первых, Европа и США действительно по-разному воспринимают мир, в частности, по вопросам борьбы с терроризмом, «государств-изгоев», таких как Иран, арабо-израильскому конфликту, поддержки многосторонних режимов и т.п. Во-вторых, войска США находятся в Европе уже больше пятидесяти лет. Никто не может предсказать, когда они вернутся домой, но когда-то это произойдет. Так что, было бы вполне благоразумным начать готовиться к этому уже теперь, с тем, чтобы Европа могла взять на себя ответственность за свою собственную безопасность и безопасность своих соседей. В-третьих, Европейский союз уже достиг глобального масштаба во многих областях деятельности. Для повышения эффективности своих действий ему необходимо повысить свой военный потенциал.

Что это означает для будущего НАТО? Со времени развала СССР Североатлантический союз из всех сил старается переиначить себя. Расширение состава НАТО до 26 членов в следующем году напоминает мне скетч «дохлый попугай» из комедии «Монти Пайтон». Я думаю, что у ряда новых членов возникнет вопрос, а не вступили ли они в «дохлую» организацию? Видимо уже ясно, что НАТО никогда больше не будет участвовать в войнах. Опыт Пентагона в Косово показал, что идея проведения военной кампании при попечительстве 26 стран полностью исключена. Более того, Вашингтон вряд ли изменит свою новую доктрину, в соответствии с которой «задача определяет коалицию». НАТО не исчезнет сразу, но она будет постепенно чахнуть, так как ей нечем скрепить свое единство, и у нее нет набора инструментов, необходимых для противодействия современным угрозам безопасности.

Обратите внимание на то, что я говорил о повышении потенциала Европейского союза. Маловероятно, что появится политическая воля для существенного увеличения расходов на оборону. Поэтому сейчас важно добиться более эффективного расходования средств на закупки и расширить совместное использование имеющиеся объектов. Необходимо принять ряд трудных решений. Зачем, например, Чехии или Дании свои военно-воздушные силы? Я думаю, что влияние министров финансов на продвижение Европы по этому пути будет, пожалуй, не меньшим, а может быть и большим, чем министров иностранных дел или обороны. И, наконец, о потенциале. Еще не ясно, являются ли затраты на высокотехнологичную боевую технику наиболее эффективным способом расходования долларов или евро налогоплательщиков. «Интеллектуальная» помощь и «интеллектуальная» политика не менее важны, чем «интеллектуальные» бомбы.

В этой связи Европейский союз не может не создавать весь спектр сил и средств. Он никогда не будет создавать такие как у США силы и средства проецирования силы, потому что в этом нет необходимости. Но будущее за Европейским союзом, а не за НАТО.

С уважением,

Фрейзер

Уважаемый Фрейзер!

Как практически все сегодня, мы согласны с тем, что Европа должна предпринять меры по рационализации военных закупок и создать более высокий потенциал в области миротворчества. Реальный вопрос заключается в том, стоит ли Европейскому союзу в дополнение к силам и средствам для установления мира, миротворчества и полицейских действий создавать потенциал ведения боевых действий, подобный тому, что использовался НАТО в Косово и США в Афганистане и Ираке. Вы говорите «да». «Я совершенно не сомневаюсь в том, что в долгосрочной перспективе Европе ... необходимо преследовать свои собственные цели и создать весь спектр сил и средств» - так называемая точка зрения «Ширака». Почему? Чтобы отдалить Европу от США. НАТО, говорите Вы, мертва. Америка по-своему решает проблемы терроризма и «государств-изгоев», и, в конце концов, уйдет из Европы. Если Европейский союз не создаст «весь спектр сил и средств», он будет вынужден принять, как Вы говорите, «точку зрения Блэра», то есть «единственной надеждой влиять на поведение (США) остается быть лояльным союзником, никогда не высказывающим ни слова критики публично».

Я не согласен с этим по пяти причинам.

1. *Трансатлантический конфликт - это исключение, а не правило.* Несомненно, Ирак - это проблема. Однако правительства стран НАТО единодушно поддержали действия в Косово, Афганистане и десятке других кризисных точек, возникших после «холодной войны» и первой войны в Персидском заливе. НАТО оказала содействие в урегулировании многих таких кризисов в районах за пределами своей зоны ответственности и реинтеграции стран Восточной Европы. Цели Европы и США на Ближнем Востоке совпадают. Сказать, что НАТО мертва - это все равно, что вместе с водой выплеснуть из ванны ребенка.

2. *Ремилитаризации Европы не будет.* Вы согласны с тем, что европейские страны не будут увеличивать свои расходы на оборону - не говоря уже об увеличении таких расходов вдвое, как это требуется для проецирования силы в стиле США (даже на региональном уровне). Более эффективное использование средств, выделяемых на оборону европейскими странами в настоящее время, может дать лишь скромные результаты - возможно создание небольших, но хорошо оснащенных сил быстрого реагирования, но вовсе не таких интегрированных сил, которые США развернули в Косово или Афганистане, не говоря уже об Ираке.

Армия ЕС может стать инструментом, ищущим своего применения

3. *Создание европейской армии бесцельно.* Армия ЕС может стать инструментом, ищущим своего применения. Вы говорите, что объединение с США - тактика Блэра - не может изменить политику США, и поэтому Европе нужна армия. (С этим, как Вы увидите ниже, я не согласен). Ведь существование европейской армии также не изменит политику США. Разве наличие такой армии удержало бы США от военной акции в Ираке? Вряд ли. «Пред-превентивное» вмешательство европейских стран с целью упреждения акции США или союз с врагами Соединенных Штатов - это совершенно нереальные варианты. Может цель такой армии

просто уменьшить степень зависимости от гарантии обеспечения безопасности США? Если это так, то уменьшение подобной зависимости может действительно привести к тому, что несколько нервных восточно-европейских стран станут при голосовании в ООН поддерживать франко-немецкий лагерь, но это также даст неоконсерваторам «карт бланш» при одностороннем развертывании сил США в других регионах. Или, может быть, предлагаемая европейская армия предназначена для урегулирования кризисов подобных «следующему Косово»? Если это так, то европейцы уже отвоёвывались. Балканы уже умирены. Следующие затяжные конфликты, подобные Косово, будут происходить, да и уже происходят, в отдаленных местах, таких как Чечня, Иран, Кашмир, Алжир и Конго. Неужели европейцы действительно считают, что стратегия военного вмешательства в таких местах, причем для выполнения боевых, а не миротворческих задач, и без технологий или поддержки США, оправдывает затраченные средства?

4. *Ремилитаризация будет противоречить глубинным европейским политическим ценностям.*

Правительства стран ЕС представили убедительные доказательства того, что принятая США политика преимущественно военного реагирования на терроризм в Ираке была нецелесообразной и близорукой. Европейские интеллектуалы выступили с язвительной критикой анахронизма Роберта Кагана, выдвинувшего одномерную концепцию международной державы (т.е. военные сверхдержавы - это сильные марсиане, а все другие - это слабые жители Венеры). Возражения европейцев по вопросу Ирака не только разумны

- именно поэтому трезвые американские консерваторы, такие как Джеймс

Бейкер и Brent Скоукрофт, а также многие демократы, разделяют их,

- но они восходят к замечательному европейскому идеализму,

в соответствии с которым западным правительствам необходимо более эффективно использовать невоенные инструменты военной политики. Однако теперь, после того, как Вашингтон проигнорировал призывы европейцев и послал в бой морских пехотинцев, европейцы говорят: «Мы тоже хотим армию». Каган должен радоваться. Ему, кажется, удалось обратить в свою веру целый континент!

5. *Существует еще лучший вариант.* У Европы

есть лучшие и более разнообразные варианты, чем упомянутая Вами альтернатива: ремилитаризация и покорное молчание. Наиболее оптимальный из них

- инвестиции в гражданскую и «малоинтенсивную» военную мощь. В настоящее время Европа

представляет собой «тихую сверхдержаву», влияние которой на вопросы войны и мира также велико, а может быть и больше, чем влияние США. Европа, а не США, обеспечивает возможности для торговли, помощь другим странам, миротворцев, международный контроль и многостороннюю легитимность. (Видимо, по неизменным внутренним причинам США никогда не удавалось эффективно использовать такие инструменты).

За последнее десятилетие Европа эффективно применяла такие инструменты для содействия демократизации и умирения приблизительно двадцати пяти стран, находящихся на ее восточной окраине. Такой рекорд недостижим для военной

мощи США. При правильном использовании гражданские и малоинтенсивные военные инструменты могут производить и большее глобальное воздействие. Европейский политический и налоговый капитал лучше всего расходовать на создание таких инструментов. Европа, США, Запад, да и мир в целом только выиграют, если каждая из сторон Атлантики будет делать то, что у нее получается лучше всего. Ключевыми словами должны стать не конфликт и соперничество, а дополнительность и сравнительное преимущество.

Война в Ираке показывает, насколько важны такие меры. За последние три месяца американцам стало ясно, что восстановить мир значительно труднее, чем развязать войну. В миротворческой деятельности США сильно зависят от Европы, обладающей гражданской и «малоинтенсивной» военной мощью. Война и процесс восстановления сковали одну треть американских вооруженных сил, затраты на них составят сотни миллиардов долларов и они будут стоить жизни сотням людей. Даже в этом случае их усилия могут оказаться безуспешными. Европейцы, которых игнорировали и унижали накануне войны, теперь, по понятным причинам, не хотят направлять туда свои ресурсы, что совершенно отличается от первой войны в Персидском заливе и конфликта в Косово.

В результате произошло кардинальное изменение политики. Если в будущем США будут рассчитывать на помощь после свершившегося факта, им необходимо привлечь на свою сторону многосторонние институты, использовать все альтернативные варианты до начала войны и выработать механизмы послевоенного восстановления до начала вторжения. Поэтому США так осторожно действуют в Иране и Сирии. Они также пытаются вовлечь ООН в урегулирование кризисов в Ираке и Северной Корее. В этой связи у НАТО появляется роль одной из нескольких многосторонних структур, в которой можно организовывать миротворческую деятельность и разрабатывать общие принципы, регулирующие насильственное вторжение в будущем. Вопрос сегодня заключается в том, хотят ли и способны ли европейцы конструктивно участвовать в этом процессе. Прекращение этого процесса примирения, отказ от НАТО и создание европейской армии, как Вы предлагаете, будет равнозначно трагической победе политики, основанной на символах, над прагматизмом.

С уважением,

Эндрю

Уважаемый Эндрю!

Давайте не забывать о чем идет речь в нашей дискуссии, а именно, о Европейском союзе и НАТО, а не Европейском союзе и США. Я не предлагаю, чтобы Европейский союз создавал свою армию. У НАТО тоже нет армии. Я не говорю не о том, что Европейский союз должен выступать в качестве противовеса США, а о том, что у него должны быть силы и средства для «энергичного вмешательства», как это сказано в последнем стратегическом документе Соланы. Я не выступаю не за то, чтобы США ушли из Европы, а говорю, что Европейскому союзу необходимо повысить свой оборонный потенциал, частично и для того, чтобы подготовиться к тому времени, когда США вернутся к себе домой. Я не говорю, что НАТО мертва, а утверждаю, что Пентагон, на основе событий, произошедших после Косово и 11 сентября 2001 г., объявил о ее смерти, выдвинув новую доктрину США, в соответствии с которой «главная задача определяет коалицию».

Представляется, что, несмотря на крупные геополитические перемены последних лет, Вас вполне устраивает статус-кво. Ну что же, можно довести дело до того, что Европа станет новой посудомойкой для США, но я думаю, это верный путь к катастрофе. Европейский союз и США должны участвовать в общей оценке угроз безопасности, и после достижения договоренности о вмешательстве - предпочтительно с мандатом ООН

- вместе принимать участие во всех стадиях операции. Это означает, что США необходимо больше заниматься вопросами миротворчества и восстановления государственности, а Европейскому союзу создавать наукоемкий военный потенциал. Нам необходимо стремиться к новому трансатлантическому партнерству, основанному не на НАТО, а на пересмотренных отношениях между ЕС и США, которые охватывают все аспекты обеспечения безопасности. Это задача не завтрашнего дня, но она должна стать серьезной среднесрочной целью.

Европейский союз и США должны участвовать в общей оценке угроз безопасности

Что же уже есть у НАТО и что еще предстоит создать Европейскому союзу? Во-первых, гарантию взаимной обороны. Я считаю, что это должно стать важнейшей частью договора ЕС. Несомненно, такая

статья предложена в новом проекте договора ЕС, но она не предусматривает обязательства и открыта для всех. Во-вторых, Европейскому союзу необходимо создавать свои органы управления войсками. Это стало совершенно очевидно при подготовке к вмешательству в Конго, когда обнаружилось, что у НАТО отсутствуют планы подобного вмешательства в Африке.

Разве повышение оборонного потенциала ЕС должно вести к конфликту и соперничеству с США? Вашингтон уже в течение многих лет призывает к этому Европейский союз. Если в следующем году Европейский союз примет у НАТО ответственность за операцию в Боснии и Герцеговине, то при этом должно возникнуть лишь всеобщее чувство удовлетворения.

Наконец, я не усматриваю политической поддержки ни с одной из сторон Атлантики военному вмешательству ни в одном из мест, которые Вы упомянули - Иран, Чечня, Кашмир и т.д.

С уважением,

Фрейзер

Уважаемый Фрейзер!

Я приветствую смягчение Вами своей позиции. Теперь Вы говорите, что НАТО важна, в отличие от своих слов вначале - она «мертва» (или «объявлена» мертвой). США будут сохранять свою военную активность в Европе, будут действовать вместе с ней и не оставят ее. США (и, следовательно, НАТО) и ЕС должны совместно проводить оценки угроз, а не диаметрально расходиться по этому вопросу. Европейскому союзу требуется лишь пакт о взаимной обороне и некоторый потенциал управления войсками, а не «весь спектр полномасштабного потенциала». В операциях должны участвовать США и Европа. Причем всего этого невозможно достичь в кратковременной перспективе («это не вопрос завтрашнего дня»).

Но даже эта, вторая, примирительная позиция - по которой мы, в основном, не расходимся - вызывает существенную озабоченность.

Во-первых, нужно быть реалистами. Конечно, было бы хорошо, если бы, как Вы говорите, и Европейский союз, и США «участвовали во всех стадиях всех операций». Мы могли бы стряпать и мыть посуду вместе, а также планировать меню, как в счастливой трансатлантической семье. Но в союзах, как и в браках, так бывает редко. Почему? Потому что в реальном мире существуют ограничения, определяемые пределами налогообложения, наследием расходов прошлого, внутренними узаконенными процессами и политическими

ценностями. Каган прав в том, что у каждой стороны появилась своя специализация, и каждая сторона довольна своим выбором. Партнерам необходимо специализироваться - особенно, когда стирка или мытье посуды стоит 100 млрд. долл. США.

Во-вторых, я боюсь, что европейцы будут растрчивать дефицитный политический и налоговый капитал, создавая скромные по масштабам вооруженные силы для конфликтов высокой интенсивности. Американцам такие силы (как Вы сами признаете) не только не нужны, но и нежелательны. Кроме того, (судя по Вашему умолчанию) практически отсутствуют сценарии их автономного использования. Военная роль ЕС будет хороша для политики «вселения оптимизма» - любой может бороться за пост «министра иностранных дел» ЕС, формируя многонациональное ополчение. Но при этом существует опасность забыть о реальном сопоставительном преимуществе Европы, в частности, гражданской мощи. Даже скромный прогресс в решении трудных гражданских задач, таких как усиление связей с Турцией, повышение гибкости ЕС по израильско-палестинскому вопросу, создание многонациональных сил для принудительных инспекций оружия массового поражения или прекращение сельскохозяйственных субсидий - внесет значительно больший вклад в международный мир и безопасность.

В-третьих, НАТО служит ценным инструментом построения трансатлантического сотрудничества - более гибким и привлекательным для США, чем Европейский союз. Всего четыре года назад НАТО сыграла важнейшую роль в привлечении внимания США к Косово. Так как Европейский

союз принял на себя эти функции, или заявил об этом, даже если у него нет (и не будет по Вашему плану) сил и средств, подобных развернутым в Косово, это может дать политическому руководству США отговорку, чтобы не больше не заниматься этим вопросом. Даже если мы устраним НАТО, нам все равно придется вновь изобрести ее.

***Европа, США, Запад, да и мир в целом
только выиграют, если каждая из
сторон Атлантики будет делать то,
что у нее получается лучше всего***

И, наконец, в-четвертых, прошу Вас не пользоваться подстрекательской и вводящей в заблуждение метафорой «повара» и «уборщицы». Предлагаемые мною отношения позволяют европейцам получить право равной инициативы и вклада в общее дело. Европейцы, по меньшей мере, смогут использовать свои превосходящие ресурсы гражданской мощи для более инициативных действий при реализации довоенных мер предотвращения кризиса, чтобы вообще не допустить военного вмешательства. Например, развертывание мощных сил ЕС-ООН для принудительных инспекций за шесть месяцев до войны в Ираке, могло бы иметь значительно больший эффект для сдерживания США, чем десять батальонов европейских войск, готовых к высокоинтенсивным конфликтам.

Самое главное, что США постепенно начинают понимать, что устанавливать мир значительно труднее, чем вести войну, и что они сильно зависят от превосходящей европейской гражданской мощи - торговли, помощи, мониторинга, многосторонней легитимизации и миротворческого потенциала - как для предотвращения кризисов в довоенный период, так и послевоенного восстановления. Именно это будет оказывать влияние на принятие решений о войне и мире в будущем. Большинство американцев (может быть даже и в администрации Буша) уже пришли к выводу, что «повара» и «судомойки» должны вместе планировать меню до свершившегося факта - иначе посуда так и останется грязной. Такие предконфликтные консультации, которые мы оба поддерживаем, скорее всего, будут иметь место, если Европа сосредоточится на своем самом сильном качестве гражданской мощи, от которой по-настоящему зависят США. Они, скорее всего, будут иметь место, если обсуждение военных вопросов сможет проводиться через НАТО - организацию, против которой не возражают даже американские консерваторы.

Наконец, исходя из ограниченной перспективы европейской интеграции, укрепление гражданской мощи (где у Европейского союза непререкаемый авторитет) будет в большой мере способствовать появлению у Европейского союза главной роли в трансатлантических дискуссиях. Ведь именно этому Вы посвятили свою карьеру, да и мне также хотелось бы это увидеть.

С уважением,

Эндрю

Уважаемый Эндрю!

Я думаю, что мы спорим о разных временных перспективах. Я утверждаю не то, что Европейскому союзу необходимо уже завтра создать полный спектр сил и средств, а что ему следует это сделать в среднесрочной перспективе. Ведь многие наблюдатели, особенно в Америке, не могут понять принципиальную важность целей процесса интеграции. Большинство американцев отмахнулись от общего рынка, от евро, а теперь пренебрежительно относятся к нарождающимся военным устремлениям Европейского союза. Европейскому союзу необходимо создавать этот потенциал по различным причинам: чтобы на мировой сцене играть роль соответствующую своей экономической мощи; удовлетворять свои интересы, когда в этом не хотят участвовать США (или НАТО); а в конечной перспективе - достичь экономии средств. Неверно, что США выступают против этих мер - напротив, они однозначно приветствовали их на всех последних встречах в верхах.

Повышение военного потенциала будет происходить не за счет утраты компетенции в гражданской сфере, где, я согласен, у Европейского союза несомненное преимущество. Более того, я считаю, что США следует также делать больше на гражданском фронте, так как именно это в долгосрочной перспективе служит ключом к разрешению многих споров. Но Европейский союз должен обладать способностью предотвращать такие злодеяния, как обстрел Дубровника, быть готовым противодействовать нарождающемуся геноциду в африканских государствах и иметь все необходимое, чтобы подкреплять дипломатические меры внушительным военным потенциалом, имея дело с такими деятелями, как Слободан Милошевич. Мощные военные силы ЕС могут также сыграть важную роль в контроле над мирным урегулированием на Ближнем Востоке.

Ошибочно считать, что при Вашем реформированном статус-кво будет «право на равную инициативу и вклад в общее дело». Равенство, по мнению большинства американцев и уже тем более тех, кто теперь находится у власти, появляется лишь при большем

военном вкладе. Статус-кво, который Вы, кажется, поддерживаете, означает, что Европейский союз будет постоянно обязанным США. С учетом быстро растущего и беспрецедентного неодобрения общественностью американской внешней политики, подобная политика будет неприемлемой для подавляющего большинства европейцев.

Несомненно, что НАТО более привлекательный вариант для США, так как они там всегда заправляли делами. Но времена меняются и нам необходим трансформированный

***Нам необходим трансформированный
Атлантический союз, в который
Европейский союз и Соединенные Штаты
привнесут большее равенство***

Атлантический союз, в который Европейский союз и Соединенные Штаты принесут большее равенство военных и гражданских ресурсов. Это станет наилучшей основой для подлинного партнерства.

С уважением,

Фрейзер

Уважаемый Фрейзер!

Я пытался на протяжении всей нашей дискуссии привести в нее определенную степень реализма - прагматического осознания существующих бюджетных и политических ограничений. Действительно ли Европейский союз выделит военным служащим, деньги и технологии для сил и средств, подобных тем, что размещены в Косово? Имеются ли реалистические сценарии для их развертывания или же с умиротворением Балкан Европейский союз отвоюет свою последнюю войну? Может ли НАТО стать более эффективным институциональным каналом для совместных действий, чем отношения между ЕС и США? Будут ли США действительно (на что вы снова намекаете в Вашем последнем ответе) уважать европейцев просто потому, что у них в качестве козыря появится армия? Или же европейская ремилитаризация, напротив, вызовет апатию в США (если европейцы добьются успеха), или презрение (если европейцы потерпят провал), и даже, как накликаемая беда, приведет к выводу американских войск? Не приведет ли дальнейшее усиление сравнительного преимущества Европейского союза в «гражданской мощи» (нечто, что действительно необходимо США) к расширению европейского влияния? И так далее.

Вы не ответили ни на один из этих прагматических вопросов. Меня беспокоит то, что Вы так быстро отдали предпочтение символическим, а не существующим. Анализ политики без учета бюджетных или политических ограничений - по меньшей мере, идеализм. В худшем случае он способствует местническим усилиям по достижению риторических целей для кратковременных политических выгод.

Каковы же эти символические цели? В Вашем последнем письме Вы утверждаете, что главная мотивация европейцев - и реальный источник их расхождений с американцами - это реализовать то, что Вы называете «принципиальные политические цели процесса интеграции». Другими словами, построение европейских сил - независимо от их практической ценности и эффективности затрат - само по себе является достойной целью, так как оно способствует европейской интеграции. Такие устремления характерны для нынешних и бывших должностных лиц ЕС, таких как Вы.

Я не сомневаюсь, что Европейский союз может создать нечто, что он может назвать армией, так же как я никогда не сомневался - несмотря на Ваши усилия представить американцев евроскептиками - что он сможет создать

общий рынок или валютный союз. Однако я сомневаюсь, что милитаризация Европейского союза будет правильной политикой – хорошей для Европы, хорошей для Запада и, прежде всего, хорошей для граждан таких стран, как Ирак. Я подвергаю это сомнению, также как большинство наблюдателей сегодня подвергают сомнению то, что «успешная», но при этом жестко централизованная денежная система Европейского союза способствует проведению европейской макроэкономической политике.

Европейцы могут использовать свои превосходящие ресурсы гражданской мощи для более инициативных действий при реализации довоенных мер предотвращения кризиса

некоторых европейцев. Я убежден, что США становятся все более прагматичными. Политики, у которых под угрозой оказались крупные инвестиции, становятся способными учениками. Непрерывающиеся потери сотен человеческих жизней и затраты сотен миллиардов долларов учат смирению даже самых оголтелых консерваторов. Возникший в результате этого сдвиг в тоне риторических заявлений и общественном мнении в последние три месяца вызывает изумление.

Поэтому важнейший вопрос не в том, научатся ли чему-либо США на опыте Ирака. Он заключается в том, смогут ли чему-либо научиться европейцы, которые мало что инвестировали деньгами или человеческими жизнями, не ощущают непосредственной угрозы безопасности и общественное мнение которых в большей степени озабочено самим процессом в международных делах, а не его результатом. Однако, им предстоит усвоить один урок – символические ходы в политике – такие как создание «вселяющего оптимизм» воинского формирования для Европы – не самый лучший способ противодействия серьезным глобальным вызовам XXI века.

С уважением,

Эндрю

*Турция признает Республику Македония под ее конституционным названием.

НАСКОЛЬКО ЭФФЕКТИВНО УПРЕЖДЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ОМП?



Макс Бут

Макс Бут - старший научный сотрудник
нью-йоркской программы «Олин» по исследованию
проблем национальной безопасности при Совете
по международным отношениям



Гаральд Мюллер - директор франкфуртского
Института исследований проблем мира



Гаральд
Мюллер

Уважаемый Гаральд!

Я рад возможности участвовать в этой дискуссии с Вами. Вопрос об использовании методов упреждения для прекращения распространения оружия массового поражения (ОМП), несомненно, актуален - особенно в связи с разгоревшейся дискуссией по Ираку. Сейчас, когда я пишу эти строки, пока не найдено значительных доказательств существования программ разработки ОМП, кроме двух подозрительных трейлеров для лабораторий биологического оружия. Это, естественно, побудило многих к заявлениям о том, что в войне в Ираке не было необходимости, и что таким образом была дискредитирована доктрина упреждения.

Я не согласен с этим. С моей точки зрения то, что мы не смогли пока обнаружить ОМП, дискредитирует не саму упредительную войну, а политику инспекций, которую противники такой войны выдвигали в качестве альтернативного варианта. Если мы не можем найти ОМП в освобожденном Ираке, так как это могли сделать 100 или даже 1000 инспекторов в стране, находящейся под контролем тоталитарного режима? Естественно, существует возможность того, что там ничего и не было, что Саддам действительно уничтожил все свои запасы ОМП - или же, что вызывает еще большую тревогу, вывез их из Ирака. Но, по моему мнению, состояние его современных запасов не так важно, как его способность производить оружие в больших количествах и готовность его применять. Саддам был страшным человеком, делавшим и то, и другое. Мы знаем, что он применял отравляющий газ против иранцев и курдов. Мы знаем, что он хранил ОМП после того, как взял на себя обязательство отказаться от этого оружия по резолюциям ООН. Нет никаких сомнений в том, что даже если в последнюю минуту он избавился от своих запасов оружия, то сохранил огромную инфраструктуру, которая могла произвести по требованию еще больше микробов и газов. Мы также знаем, что он прилагал усилия к тому, чтобы приобрести ядерное оружие, хотя до сих пор неясно, как далеко он продвинулся в этом.

Учитывая все это, я думаю, что его правильно сбросили со своего поста, причем не только с моральной, но и со стратегической точки зрения. Мы отстранили от власти человека, который давно уже стал преступником, и если бы он остался у власти, то, несомненно, совершил бы еще более ужасные преступления в будущем - не только против своего народа, но и против соседних стран. Мы пытались использовать другие подходы, чтобы сдерживать Саддама, начиная с сотрудничества с ним (до 1990 г.), инспекций (1992-98 гг., 2003 г.) и кончая устрашением и сдерживанием (1991- 2003 гг.). Вы можете сказать, что последние принудительные инспекции,

опиравшиеся на угрозу применения силы, временно сдерживали Саддама, и может быть, так и было, но маловероятно, чтобы Великобритания и США стали бы бесконечно держать на границах с Ираком сотни тысяч своих военнослужащих. Такое давление нельзя было оказывать вечно, а Саддам мог оказаться терпеливее международного сообщества, как это уже случалось в прошлом. Этого варианта уже нет благодаря решительно проведенной военной акции, и я думаю, что после того, как не стало Саддама, мир стал лучше. Разве не так?

Саддама правильно сбросили со своего поста, причем не только с моральной, но и со стратегической точки зрения

снова имеем дело со знакомыми вариантами - переговоры или упреждение. Я бы выступил за упреждение, но упреждение в широком определении этого слова, означающее не просто военные варианты, но все виды давления - дипломатическое, экономическое и моральное - для изменения характера этих режимов. Я думаю, что основной проблемой во всех этих случаях является сам тип режима, а не собственно обладание ОМП. ОМП в руках либеральных демократических правительств, таких как Франция или Израиль, не вызывает большой озабоченности. Проблема возникает тогда, когда оружие огромной мощности попадает в руки тиранов, неподотчетных своему народу.

Я не особенно верю в то, что режимы, третирующие свой собственный народ, будут руководствоваться справедливостью в отношениях с внешним миром. Они, конечно же, с готовностью заключают соглашения, но затем нарушают их. Северная Корея служит наглядным примером: Пхеньян подписал «Согласованные рамки» в 1993 г., и затем, тем не менее, сразу приступил к разработке ядерного оружия. Мне кажется, что, несмотря на любые наши предложения Ким Чен Иру, он все равно не остановит свою программу.

В прошлом практически все достижения в области нераспространения ОМП были связаны со сменой режимов. Когда в таких странах как Бразилия, Аргентина и Южная Африка появились более либеральные правительства, необходимость в программах создания ядерного оружия для них отпала. Можно доказывать, что их стремление отказаться от ядерного оружия объясняется подписанием Договора о нераспространении ядерного оружия, но я думаю, что это было вторичным, главным здесь был сам характер режима.

Я думаю, что мы должны уделять главное внимание помощи народам Северной Кореи, Ирана и других «режимов-изгоев», чтобы они сбросили своих тиранов и создали подотчетные себе режимы. Безопасность Запада определяется распространением либеральной демократии, а не подписанием дополнительных договоров, таких как ДНЯО, соблюдение которых не реализуется.

Мне кажется, что Вы придерживаетесь иной точки зрения. Я надеюсь на продолжение нашей дискуссии.

С уважением,

Макс

Уважаемый Макс!

Благодарю Вас за Ваше продуманное письмо. Кажется, что американский нео-консерватор и германский исследователь вопросов мира могут договориться по весьма принципиальному вопросу, и именно о том, что использование силы - это высшая санкция в борьбе с распространением оружия массового поражения. Я повторяю это уже не меньше десяти лет, а Совет Безопасности ООН выразил тот же принцип в своей декларации от 31 января 1992 г., где распространение ОМП определяется как «угроза миру и безопасности», т.е. использована та самая формула, которая в соответствии с Уставом ООН может повлечь за собой санкции, в том числе военную акцию.

Но здесь я отхожу от Вашей позиции. Использование силы должно предписываться законом. В случае ОМП уже существует обширное международное право. В него входит Конвенция о запрещении химического оружия и Конвенция о запрещении биологического оружия, а также Договор о нераспространении ядерного оружия. В отличие от Ваших представлений ДНЯО - это совсем не пустые слова. Из 36 государств, которые серьезно рассматривали проведение программ ядерного оружия или приняли о них свои решения, подавляющее большинство делали это до завершения переговоров о ДНЯО, и из 25 государств, прекративших такую деятельность, подавляющее большинство (21) сделали это после начала процесса подписания договора. Большинство стран, прекративших эту деятельность, были демократическими или находились в переходном периоде, но среди них были и авторитарные страны, в том числе Египет, Индонезия и Югославия, которые прекратили ядерные исследования в военных целях после утверждения этой международной нормы. Поэтому ДНЯО весьма успешно способствовал убеждению стран отказаться от военного варианта, и Ваши слова о том, что «все достижения нераспространения связаны со сменой режима» - явное преувеличение.

Правовые нормы и военное принуждение следует рассматривать не как конкурирующие, а как дополняющие друг друга принципы. Принуждение должно служить цели поддержания согласованных норм, но на основе соответствующей процедуры. Упреждение вне признанного правового контекста вызывает страх, недовольство и сопротивление, и, в конечном счете, питает ту самую анархию, с которой оно призвано бороться.

Соответствующая процедура требует надлежащего представления имеющихся доказательств, соответствующего обсуждения достоинств упреждения и основательного процесса принятия коллегиальных решений по наиболее приемлемой стратегии отражения угрозы. Процесс сбора и оценки доказательств Комиссии ООН по

мониторингу, контролю и инспекциям (КООНМКИ) был прерван. Доказательства, представленные 5 февраля госсекретарем Колином Пауэллом в ООН были неполными, основанными на сомнительных источниках, и по ним не было проведено соответствующей дискуссии или анализа. Более того, на основе результатов действий Ирака в войне, а также того, что химическое или биологическое оружие не применялось и не было найдено даже следов ОМП, не говоря уже о доказательствах существования крупномасштабных программ ОМП, все больше складывается впечатление, что Специальная комиссия по разоружению ООН хорошо справилась со своей работой. Более того, похоже, что даже четырех лет, когда инспекций не проводилось, оказалось недостаточно для возобновления Ираком своих программ. Устрашение и сдерживание дали хорошие результаты и, скорее всего, будут еще эффективными и в будущем.

***Упреждение вне признанного
правового контекста вызывает
страх, недовольство и
сопротивление, и, в конечном счете,
питает ту самую анархию,
с которой оно призвано бороться***

Решение начать войну не должно приниматься с легкостью - ведь при этом неизбежно будут жертвы среди мирного населения - так как это было в войне в Ираке. Подобное решение должно приниматься только при большой необходимости, как последнее средство, после того, как использованы все другие способы.

В случае Ирака этого сделано не было. Кроме того, нельзя допускать, чтобы такое решение принималось правительством одной страны.

Мир - это сочетание разных культур и систем управления, в котором явно предпочтительным является демократическое правление. Как человек, живущий в стране, пережившей в прошлом веке две диктатуры, я считаю, что мне повезло, так как я не был членом «гитлерюгенда» или его коммунистического варианта - «пионеров». Однако считаю, что упреждение с целью смены режима определяет неправильные приоритеты. Диктаторы поддаются утрашению. Более того, величайший демократический триумф в истории человечества - окончание «холодной войны» - был достигнут за счет терпения, настойчивости и разумного сочетания сдерживания, утрашения и разрядки.

Применение силы должно быть закреплено за самообороной, предотвращением геноцида и упреждением явной и неизбежной смертельной угрозы, которую невозможно отразить другими способами. Западу же следует терпеливо проводить политику формирования и расширения международного права и, при необходимости, направлять силы на его принудительное соблюдение. Верховенство закона - это одно из самых сильных мест демократии и оно создает оптимальную международную обстановку для ее содействия ее распространения.

И последнее. Я рад, что Саддам Хусейн больше не находится у власти. Я также рад тому, что развалилась советская империя, и хотел бы, чтобы она исчезла раньше. Но я не менее рад тому, что правительство США предпочло не следовать совету генерала Куртиса Лемэйя, возглавлявшего в пятидесятые годы Стратегическое авиационное командование, в частности, нанести упреждающий удар по Советскому Союзу до того, как он создаст свой потенциал для уничтожения США ядерным оружием. Если бы этот совет был принят, то я мог бы оказаться одной из невинных жертв подобной войны.

С уважением,

Гаральд

Уважаемый Гаральд!

Я рад тому, что мы в принципе договорились о важности использования силы для принудительного соблюдения положений международного права. Я согласен с Вами, что: «Правовые нормы и военное принуждение следует рассматривать не как конкурирующие, а как дополняющие друг друга принципы». Меня беспокоит то, что Вы, как и другие европейцы, никак не можете определить фактический момент, когда необходимо сделать вывод о том, что дипломатические средства исчерпаны.

Вы пишете, что: «В случае Ирака такие требования не были выполнены». Действительно??? А как насчет того, что Саддам Хусейн нарушил 17 резолюций ООН? А то, что Ханс Бликс и инспекторы ООН постоянно сообщали о том, что он так и не обеспечил полного сотрудничества, требуемого по резолюции 1441? Саддам Хусейн был одним из самых жестоких диктаторов в мире, история его правления полна примеров геноцида, вторжений в соседние страны и нарушений международного права. Если это не может оправдать военную акцию, то тогда трудно себе представить, какие еще нужны оправдания.

То, что ОМП не было найдено, лишь усиливает мои доводы. Это означает, что инспекторы так и нашли бы запасов ОМП Саддама (которые существовало, по единому мнению всех западных разведслужб, включая

германскую разведку). Затем, они бы подтвердили, что у Саддама все в порядке, и это дало бы ему возможность производить еще больше ОМП в будущем и, возможно, приобрести ядерное оружие. (При этом не следует забывать, что он мог бы и дальше насилловать, мучить и убивать тысячи своих собственных граждан!). Хорошо, что эта опасность теперь устранена англо-американской военной акцией.

Я рад тому, что Вы приводите пример своей страны, измученной двумя диктатурами нацистов и коммунистов. По-моему, это самый мощный довод в мире против устрашения и в пользу смены режима. Запад пытался устрашать Гитлера в тридцатые годы и ему это не удалось. В результате погибло шесть миллионов евреев, и разразилась жесточайшая война в истории человечества. После второй мировой войны Запад пытался устрашать Советский Союз, и это ему удалось. Но для этого потребовались огромные затраты. Не говоря уже о миллионах, погибших в результате агрессивных коммунистических войн (Корея, Вьетнам, Афганистан и т.д.), и народах Восточной Германии и Восточной Европы, которые более сорока лет томились под тоталитарным гнетом. Неужели Вы реально считаете это оптимальным решением?

Безопасность Запада определяется распространением либеральной демократии, а не подписанием дополнительных договоров, таких как ДНЯО

Согласен, я не думаю, что в случае Советского Союза у нас был выбор. Он обладал огромной мощью, и поэтому упреждение было неприемлемым, за исключением упреждения в невоенном смысле, когда мы использовали всю свою мощь для подрыва советской империи изнутри (поддерживая такие движения как «Солидарность» и диссидентов, таких как Андрей Сахаров). Нападение на СССР, как предлагал генерал Лемэй, было бы безумством. Но нападение на зловерный и значительно более слабый режим, такой как режим Саддама Хусейна в Ираке - это уже не безумство. В данном случае мы дали свободу более двадцати миллионам людей при довольно малых потерях с обеих сторон.

Война не всегда худший вариант - жить с агрессивными тоталитарными диктатурами зачастую значительно хуже. Жаль, что Франция и Великобритания не начали превентивную войну против гитлеровской Германии в тридцатые годы, а ждали, пока нападут на них. Разве не так?

С уважением,

Макс

Уважаемый Макс!

Итак, европейцы никогда не пойдут на войну, чтобы обеспечить соблюдение международного права? Как ни странно, мне казалось, что в Афганистане германские специальные силы воевали вместе с американцами и англичанами, а Франция выделила самый большой воинский контингент в поддержку США в афганской военно-воздушной кампании.

Во всяком случае, я считаю Ваше заявление, что отсутствие ОМП в Ираке доказывает бесполезность процесса инспекций, неубедительным. До настоящего времени Вашингтон дал три объяснения в связи с невозможностью найти ОМП. Это: (а) Ирак уничтожил оружие непосредственно перед войной; (б) Ирак вывез оружие за границу; (в) ОМП было разграблено. Ни одно из этих объяснений не является убедительным, а последнее просто равносильно признанию провала, если ставилась цель предотвратить попадание иракского

ОМП в руки террористов. Более того, такое разнообразие объяснений не придаст авторитетности Вашингтону, когда он в следующий раз попытается обосновать необходимость упреждения.

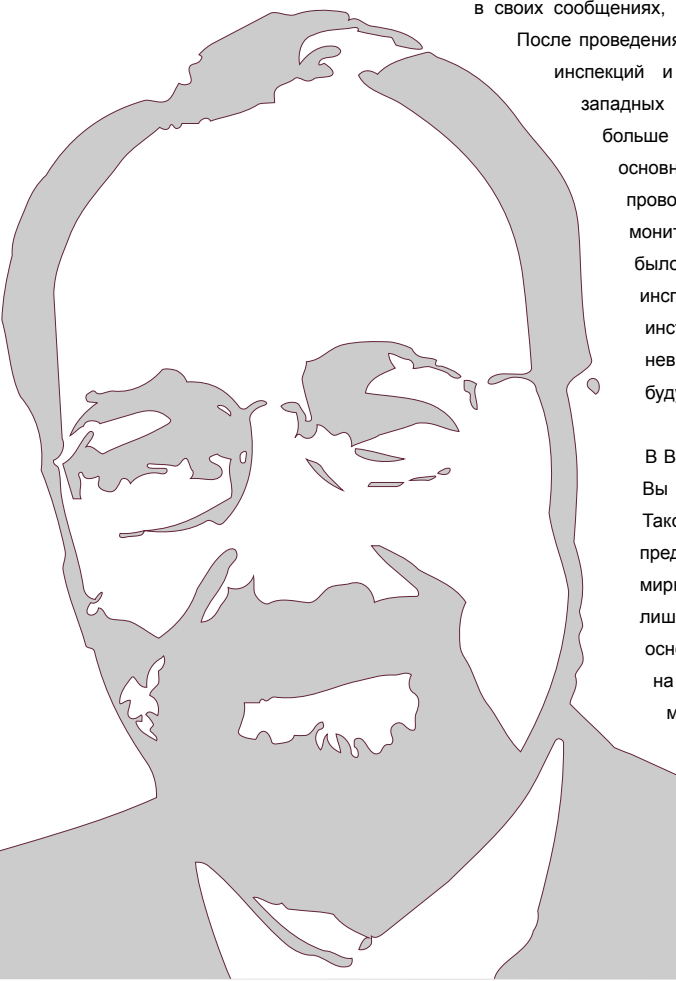
***Применение силы должно быть
закреплено за обороной,
предотвращением геноцида и
упреждением явной и неизбежной
смертельной угрозы***

в 1995 г. бежал в Иорданию. Но согласно другому заявлению Хусейна, не получившему большой огласки, Ирак прекратил производство такого оружия в 1991 г. и уничтожил его до того, как начала работать Специальная комиссия ООН по разоружению. У нас никогда не было уверенности по этому поводу, но может быть это правда.

Чего можно было достичь за счет расширения и усиления инспекций? Инспекторы нашли пустые гильзы, предназначенные для химических боевых средств, и они контролировали уничтожение ракет «Аль-Самуд». Они не были удовлетворены степенью сотрудничества, но отмечали в своих сообщениях, что оно улучшалось по мере проведения инспекций.

После проведения дополнительных опросов, быстрых и своевременных инспекций и получения самых достоверных разведданных от западных служб, они, со временем обнаружили бы еще больше остатков старых программ и, скорее всего, следы основных работ по их восстановлению, если такие вообще проводились. Более того, после работы Комиссии ООН по мониторингу, контролю и инспекциям (КООНМКИ) можно было бы ввести долговременный режим постоянных инспекций, сопровождаемый «хитрыми» санкциями. Такие инструменты в сочетании с угрозой военной акции в случае невыполнения требований, обеспечили бы в обозримом будущем сдерживание Ирака.

В Ваших доводах меня беспокоит то, что как мне кажется, Вы легко относитесь к войне. В войне гибнут невинные. Такова ее природа, независимо от того, какие усилия предпринимаются для сведения к минимуму жертв среди мирного населения. Решение начать войну нельзя принимать лишь на основе уверенности в победе. Напротив, его нужно основывать на ясном доказательстве ее неизбежности, на твердом представлении о том, что число жертв будет меньше, чем при отсутствии войны, и вероятности того, что послевоенное положение не будет хуже, чем довоенное (что именно и произошло в 1938 году!). Я по-прежнему не убежден, что в случае Ирака война была неизбежной. Более того, по двум другим критериям вопрос еще остается открытым, хотя я искренне надеюсь, что с помощью извне иракский народ сможет восстановить свою страну. В разных странах складываются разные условия,



и опыт Германии и Японии после второй мировой войны вовсе не обязательно служит общеприменимой моделью. Время покажет.

И последнее. В данном случае мы не говорим об *упреждении* (действиях по предотвращению неизбежного нападения). Мы говорим о *превентивных мерах* - ликвидации риска до того, как он превратится в угрозу, которая может перерасти в нападение. По поводу превентивных мер юристы-международники до самого последнего времени единогласно отмечали их явно незаконный характер.

С уважением,

Гаральд

Уважаемый Гаральд!

Мне кажется, что по поводу иракского ОМП нам придется признать наши разногласия. Я только хочу попутно заметить, что в том, что у Саддама есть ОМП было убеждено не только правительство США, но и все другие правительства, в том числе правительства европейских стран, у которых разведка действовала в Ираке. Кстати, в этом были убеждены и инспекторы ООН.

Я хочу также возразить по поводу Вашего заявления о том, что режим «долговременных» инспекций дал бы результаты. Трудно представить, что могло

Война не всегда худший вариант - жить с агрессивными тоталитарными диктатурами зачастую значительно хуже

остановить Саддама в прекращении сотрудничества с инспекторами, как он сделал это в 1998 г. Пошли бы в таком случае Франция и Германия на нападение на Ирак? В 1998 г. они этого делать не стали.

Однако меня действительно беспокоит Ваше легкое отношение к тоталитарным режимам. Вы пишете: «Война уносит жизни невинных». Но это же происходит и при зловредных режимах. По сути дела в XX веке при тоталитарных режимах погибло, вероятно, больше людей, чем в войнах. Сложите общее число погибших при Гитлере, Сталине, Мао, Пол Поте и, да, Саддаме Хусейне. Это уже больше ста миллионов трупов. Вклад в это Хусейна относительно скромный - несколько сотен тысяч жертв. Но в войне, в результате которой его свергли, погибло лишь несколько тысяч гражданских лиц. Так что эта война, несомненно, спасла жизнь многим иракцам. Вопрос о том, лучше ли Ираку без Саддама, вовсе не остается открытым. Даже если Ирак не станет идеальной демократией, он уже перестал быть страной, где в качестве инструмента политики насилуют женщин и пытаются детей. По любым разумным моральным расчетам война в Ираке была полностью оправдана.

Что же касается Вашего последнего положения, то я не очень верю юристам-международникам и тому, что они говорят. Если бы я верил, то до сих пор бы ждал, когда будет выполняться Пакт Келлога-Бриана 1928 г. (по которому война, как инструмент национальной политики, была поставлена вне закона). Я верю в американскую мощь, которая в XX веке спасла Европу и Азию от огромного зла, а сейчас делает то же самое на Ближнем Востоке. Вторую мировую войну и «холодную войну» выиграло не «международное право». Выиграла Америка и ее союзники.

С уважением,

Макс

Уважаемый Макс!

Бывают ситуации, когда необходимо с оружием в руках бороться против угроз ОМП - если бы, например, было признано, что по решению Совета Безопасности ООН Саддам серьезно нарушает резолюцию 1441 СБ ООН. Это также необходимо для предотвращения геноцида, творимого безжалостными диктаторами. К этому я не отношусь с легкостью. Но у мощных стран не должно быть монополии на принятие решений такого масштаба. Для таких решений у международного сообщества имеются рабочие правовые процедуры. Более того, их применение позволило ООН выработать в девяностые годы новые принципы гуманитарного вмешательства, а в 1998 г. установить норму, в соответствии с которой правительства стран отвечают за действия международных террористов, укрывающихся на их территории. Таким образом, в 2001 г. Совет Безопасности ООН предоставил право самообороны государствам, которые подверглись нападению террористов, по отношению к укрывающим их странам. После этого, резолюцией 1441 Совет Безопасности открыл многообещающий подход к борьбе с угрозой ОМП, которому не дали времени на развитие.

Решение начать войну нельзя принимать лишь на основе уверенности в победе

Вы верите в американскую мощь, потому что, как и Ваше правительство, считаете, что Америка (всегда?) права. Однако, за пределами США создается впечатление, что у Вашингтона появилось чувство непогрешимости, и что нет

необходимости принимать в учет мнения других - если только они не отражают политику США. Более того, не все считают, что Вашингтон - кладезь премудрости. Деятельность Вашингтона по построению мира в Ираке, например, уже изобилует ошибками. По этой причине я считаю, что все эти вопросы по-прежнему остаются открытыми.

Мир становится все меньше. В результате этого последствия решений, принимаемых Вашингтоном, влияют на всех нас, поэтому, когда они принимаются без учета международных правовых процедур, это вызывает крайнее разочарование. Решения, затрагивающие интересы людей, в принятии которых они не участвуют, порождают недовольство, сопротивление и, в конечном счете, насилие.

В XVIII веке английский король Георг III решил, что надо обложить налогом своих подданных на другом континенте. Он считал, что для этого имеются большие основания, так как он нес расходы по защите этих подданных от «дикарей». Однако его решение этим людям не понравилось, потому что с ними никто не советовался, а последствия этого сильно сказались на них всех. Американцам лучше других известно к чему привели последствия их гнева.

С уважением,

Гаральд

См. дополнительную информацию о Совете международных отношений на сайте www.cfr.org и о франкфуртском Институте исследований вопросов мира на сайте www.hsfk.de.

НАСКОЛЬКО ГЛОБАЛЬНОЙ МОЖЕТ И ДОЛЖНА БЫТЬ РОЛЬ НАТО?



Стив Ларраби

Стив Ларраби - старший сотрудник вашингтонской корпорации «РЭНД» и заведующий кафедрой корпорации «РЭНД» по вопросам европейской безопасности



Франсуа Хейсбург - директор парижского Фонда стратегических исследований



Франсуа
Хейсбург

Уважаемый Франсуа!

В начале XXI века НАТО столкнулась с целым рядом новых стратегических вызовов, которые весьма отличаются от тех, с которыми ей приходилось иметь дело в прошлом. Я рад возможности обсудить этот вопрос с Вами, и надеюсь, что наша дискуссия поможет прояснить вопрос о том, как лучше всего противодействовать этим вызовам.

В последние годы НАТО стала отходить от своей исходной позиции, при которой главное место отводилось Европе, и приходиться к пониманию того, что угрозы Североатлантическому союзу имеют более разнообразный и географически отдаленный характер, чем в период «холодной войны». Такое смещение акцента было однозначно признано на пражском саммите в ноябре прошлого года. В коммюнике, обнародованном в Праге, отмечалось, что НАТО необходимы возможности для развертывания сил, которые могут быстро передвигаться в любую точку, «где бы они ни потребовались», и обеспечивать свои операции на больших расстояниях, в том числе в условиях применения биологического, химического и ядерного оружия.

Такое изменение позиции фактически положило конец дискуссии по вопросу операций «за пределами зоны ответственности», бушевавшей в НАТО в последние несколько лет. Тем не менее, некоторые в Европе выступают против этой попытки, по их мнению, «глобализации» НАТО. Они заявляют, что НАТО должна и впредь уделять главное внимание угрозам в Европейском регионе и на его периферии. Подобная точка зрения, по-моему, является анахронизмом и заблуждением. Ее сторонники не учитывают масштаб изменений в характере и местоположении очагов угроз Европе и США после окончания «холодной войны», и, особенно, после террористических атак, совершенных 11 сентября 2001 г.

Основные источники современных угроз безопасности Запада находятся теперь не в Европе, а за ее пределами. Это уже не опасность советского вторжения или нестабильности на Балканах, а угрозы оружия массового поражения, терроризма и «бандитских» государств, у которых может появиться соблазн применить такое оружие или передать его терроризмам. Для того чтобы сохранить востребованность НАТО и поддержку общественности западных стран, она должна быть способной противодействовать этим новым угрозам и вызовам.

Пражский саммит положил хорошее начало движению в этом направлении. Пражское обязательство о потенциале и создание Сил реагирования НАТО (НСР) позволят Североатлантическому союзу лучше справляться с новыми угрозами. Эти инициативы - большой и, может быть, последний шанс уменьшить разрыв в стратегических подходах и военном потенциале между Европой и США, который еще больше увеличился за последнее десятилетие.

Если разрыв в потенциале не уменьшится, европейским и американским силам будет все труднее действовать вместе

Если разрыв в потенциале не уменьшится, европейским и американским силам будет все труднее взаимодействовать при отражении новых угроз, особенно тех, источники которых находятся за пределами Европы.

Это приведет к двум результатам, оба из которых

отрицательные. Во-первых, усилятся уже заметная тенденция к односторонним действиям США. Если европейские и американские силы не смогут действовать вместе, то у Соединенных Штатов не останется другого выбора, как действовать самостоятельно. Европейским союзникам придется выступать в роли поставщиков «сил зачистки». Во-вторых, еще больше уменьшится способность Европы влиять на решения и политику США и усилятся чувство разочарования и недовольства у европейцев, потому что Европа, как правило, оказывается неспособной реализовать решения, влияющие на ее собственную безопасность. Обе эти тенденции будут иметь парализующий эффект на трансатлантические отношения и способность Европы и США коллективно противостоять новым угрозам и вызовам, с которыми они сталкиваются сегодня.

Реальной проверкой этих намерений станет реализация обязательств, принятых в Праге. Это потребует от многих европейских союзников по НАТО переориентировать свои приоритеты в области капиталовложений в оборону. У многих из них большая часть войск ориентирована на выполнение задач времен «холодной войны». Для отражения новых угроз этим странам необходимы компактные, легкие и более мобильные силы, которые смогут в течение длительных сроков автономно выполнять свои задачи вдалеке от своей страны.

Некоторые европейцы опасаются, что НСР окажут ослабляющее или дезорганизующее воздействие на Силы быстрого реагирования (СБР) Европейского союза. Я не вижу причин для этого. У этих двух формирований совершенно разные цели. НСР - ударные силы для применения в боевых операциях высокой интенсивности за пределами Европы, в то время как СБР Европейского союза предназначаются преимущественно для участия в операциях по поддержанию мира и стабильности в Европе и вокруг нее. Таким образом, здесь нет противоречия, эти силы, в основном, дополняют друг друга.

Учитывая трудность достижения консенсуса о том, «как» и «когда» использовать силу в отражении этих новых угроз, большинство неевропейских операций будет, скорее всего, проводиться «добровольными коалициям», а не НАТО как организацией. Однако европейские и американские силы будут обладать большей способностью к взаимодействию, если они будут совместно проводить боевую подготовку и использовать аналогичные оперативные доктрины и приемы и способы действий. НСР и Пражское обязательство о потенциале должны помочь усилению сотрудничества в этой области. Более того, последние события в Афганистане показывают, что НАТО как организация может играть все более важную роль в постконфликтных операциях по поддержанию стабильности в регионах за пределами Европы.

Жду Вашего ответа и продолжения нашей дискуссии.

С уважением,

Стив

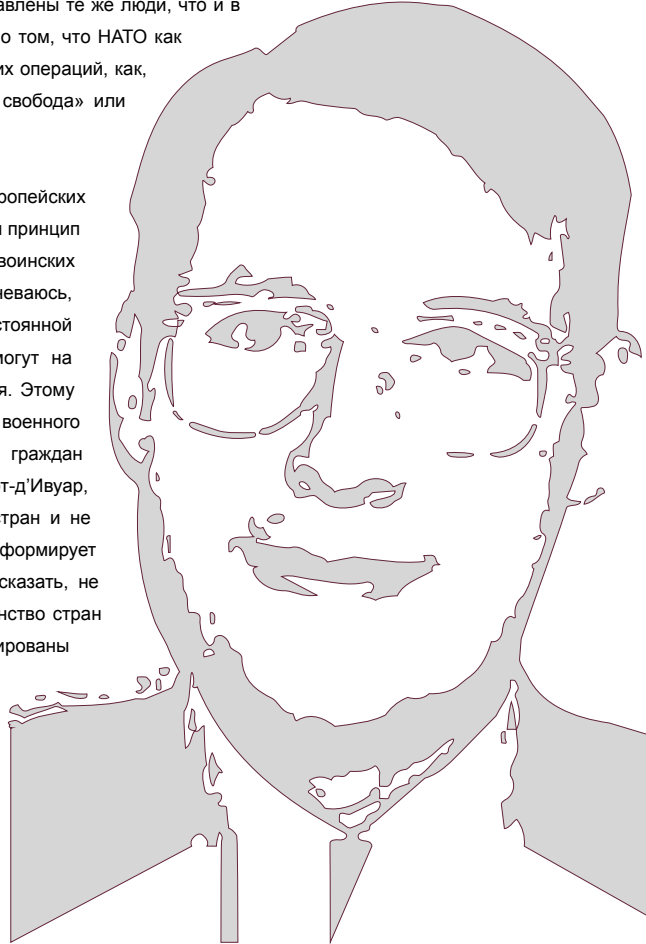
Уважаемый Стив!

НАТО столкнулась с двумя кардинальными стратегическими вызовами. Первый непосредственно связан с постоянно изменяющейся военной обстановкой, в которой приходится действовать союзникам по НАТО после окончания «холодной войны». Второй связан с все большим отдалением от нее США.

Война в Персидском заливе, воздушная кампания в Косово и операция «Нерушимая свобода» в Афганистане и вокруг него, мало похожи друг на друга, там были и разные противники, и способы ведения боевых действий. Это положение получило очень четкое выражение в лаконичном и, по сути, правильном изречении приписываемом Рамсфелду или Вульфовицу: «Коалицию определяет главная задача».

Это имеет парадоксальный эффект воздействия на НАТО. С одной стороны, акцент на непредвиденные ситуации в Европе уже теряет смысл. Это совершенно правильно, так как положение в бывшей Югославии стало спокойным, в значительной степени, в результате вмешательства НАТО в 1995 г. и 1999 г. С другой стороны, универсальный подход теперь уже неуместен. В этом отношении создание Сил реагирования НАТО представляется мне ошибочным с точки зрения стратегической посылки при их создании, которую можно выразить как: «Коалиция определяет главную задачу». В реальном мире в каждом случае непредвиденной ситуации предполагается привлечение разных политических и военных участников. Например, трудно ожидать, что для реагирования на кризис в Кот-д'Ивуар будут направлены те же люди, что и в Ирак. Причем это не связано с более широким вопросом о том, что НАТО как организация не приглашалась для участия ни одной из этих операций, как, кстати, она не участвовала и в операциях «Нерушимая свобода» или «Буря в пустыне».

Так же как и Вы, я не рассматриваю НСР как соперников европейских Сил быстрого реагирования. Здесь может быть реализован принцип «двухфункциональности», который применяется в других воинских формированиях, таких как «Еврокорпус». Однако я сомневаюсь, что силы, включающие подразделения 26 стран, с постоянной группировкой, организованной по принципу ротации, смогут на практике реагировать на кризисы так, как это планируется. Этому будет препятствовать политическая инерция и реалии военного дела. Когда за 48 часов необходимо эвакуировать граждан европейских стран или США из такого места как Буаке в Кот-д'Ивуар, не проводят заседание с участием представителей 26 стран и не отдают затем приказ стране, которая в данное время формирует основу группировки НСР, выполнить эту задачу. Можно сказать, не оскорбляя при этом Норвегию или Венгрию, да и большинство стран НАТО, что их силы и средства реагирования не оптимизированы для операций в субсахарской Африке. На практике, в случае чрезвычайной ситуации, требующей применения НСР, две или три страны, обладающие политической волей и военным потенциалом, направят свои силы, обладающие знаниями и опытом действий в такой местности. Именно поэтому гуманитарное вмешательство в сентябре прошлого года в Буаке взяли на себя силы Франции и США.



В этом новом стратегическом контексте НАТО предстоит сыграть главную роль в формировании наиболее значимых коалиций. В этом отношении НАТО как организация, способствующая оперативной совместимости сил и средств разных стран, совершенно незаменима. Более того, НСР будут приносить пользу только в том случае, если они будут выполнять функцию катализатора в процессе совершенствования оперативной совместимости между воинскими формированиями, которые, по терминологии контртерроризма, будут силами «первого реагирования».

В этом новом стратегическом контексте НАТО предстоит сыграть главную роль в формировании наиболее значимых коалиций

Здесь возникает второй вызов НАТО в форме все большего отдаления от нее США. Эта тенденция, естественно, определяется рядом причин. К ним относится окончание «холодной войны» и, соответственно, уменьшение важности европейского театра военных действий (ТВД); повышение

автономности командований сил США на ТВД, для большей части которых - командований на Тихом океане, «Центр», «Север», «Юг» - непривычны процедуры, стандарты и нормы НАТО; и, конечно, растущий разрыв в потенциале между Европой и США, что все больше влияет на способность европейских сил полномасштабно взаимодействовать с силами США.

Если учесть, что 92% структуры вооруженных сил США не входят в структуру НАТО, то в чем смысл задач оперативной совместимости НАТО в будущем? На практике в качестве главного клиента, все больше стремящегося получить это общее благо, будут выступать силы европейских стран. Создание вместо Стратегического командования ОВС НАТО на Атлантике командования, которое будет преимущественно заниматься вопросами преобразований вооруженных сил НАТО, может способствовать сокращению трансатлантического разрыва в оперативной совместимости сил и средств. Однако будет трудно добиться того, чтобы задачи оперативной совместимости НАТО приобрели бы значимость для командований сил США на ТВД, находящихся за пределами Европы. Это было наглядно видно на примере тех трудностей, которые возникали в ходе операции «Нерушимая свобода».

Со своей стороны Европа должна вносить свой вклад в это дело в форме увеличения и оптимизации расходов на оборону, в частности, в тех областях, которые связаны с проецированием силы и использованием принципа «сетевого централизма» в военном противоборстве. Однако в настоящее время в этой области до необходимого уровня еще далеко. Это положение дел не претерпело существенных изменений ни в связи с установлением эталонных ориентиров в Инициативе об оборонном потенциале НАТО, ни в результате принятия оборонной политики Европейского союза.

С уважением,

Франсуа

Уважаемый Франсуа!

Я согласен с тем, что в новой стратегической обстановке акцент на военные чрезвычайные ситуации в Европе потерял всякий смысл. Я также согласен, что универсальный подход здесь также не уместен. Как Вы отметили, в реальном мире в каждой военной чрезвычайной ситуации необходимо привлечение своих политических и военных участников.

Наконец, справедливо отмечено, что в такой угрожающей ситуации как в Буаке (срочная эвакуация граждан стран НАТО) НСР не принесут большой пользы. Однако это не означает, что создание НСР, как Вы говорите, ошибочно. НСР создаются не для решения задач, подобных тем, что возникли в чрезвычайной ситуации в Буаке. Они должны стать ударными силами для применения в боевых условиях обстановки высокой сложности вдали от территории стран НАТО. В случае маломасштабных непредвиденных ситуаций, как в Буаке, требуются другие решения. Однако НАТО также должна быть способна действовать и по более сложным сценариям. Для таких случаев НСР вполне оправдывают себя и могут способствовать развитию оперативной совместимости сил и средств, что является ключевым требованием в условиях, когда европейские и американские силы будут действовать вместе в коалиции и отражать многочисленные новые угрозы, с которыми они столкнутся в будущем.

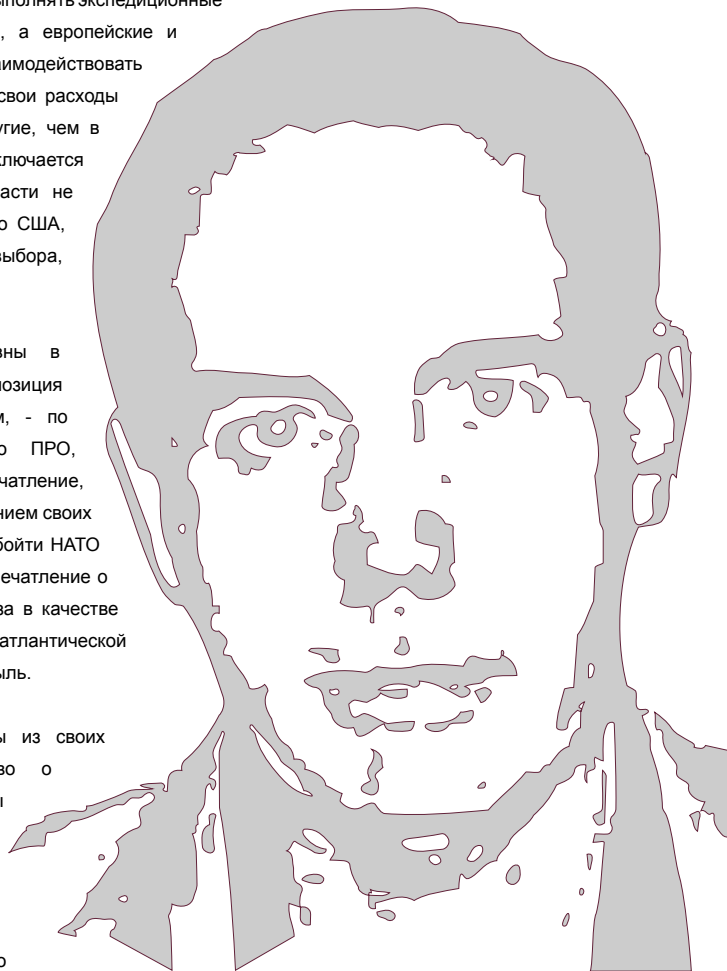
Что касается второго вызова, то Вы правы. Существует угроза отдаления США от НАТО, но это в меньшей степени связано с теми причинами, о которых Вы говорите. Реальная движущая сила, определяющая отдаление США от НАТО,

- это разрыв в потенциале между европейскими и американскими силами. Если европейские члены НАТО не реорганизуют свои силы, состав и структура которых не менялись со времен «холодной войны», и не приобретут способность выполнять экспедиционные задачи, то разрыв в потенциале будет расти, а европейские и американские силы не смогут эффективно взаимодействовать в коалиции. Европейцам необходимо повысить свои расходы на оборону и расходовать эти средства на другие, чем в прошлом, цели. Проблема, как Вы отмечаете, заключается в том, что необходимый уровень в этой области не достигнут. Если это положение не изменится, то США, независимо от их желаний, не останется другого выбора, кроме самостоятельных действий.

Несомненно, что и США частично виновны в создавшемся положении. Первоначальная позиция администрации Буша по некоторым вопросам, - по Киотскому протоколу, развалу договора по ПРО, Международному уголовному суду - создала впечатление, что новая администрация мало интересуется мнением своих союзников и отдаляется от НАТО. Ее решение обойти НАТО в ходе кризиса в Афганистане только усилило впечатление о том, что значимость Североатлантического союза в качестве инструмента координации вопросов трансатлантической безопасности и оборонной политики пошла на убыль.

Однако администрация США сделала выводы из своих промахов. НСР и Пражское обязательство о потенциале - обе эти инициативы выдвинуты США - ставят своей целью повысить способность НАТО противодействовать новым угрозам и изменить впечатление о том, что администрация США снижает значимость НАТО в стратегическом планировании. После пражского

НСР должны стать ударными силами для применения в боевых условиях обстановки высокой сложности вдали от территории стран НАТО



саммита администрация предпринимала настойчивые меры по повышению роли НАТО в Афганистане, а также в Ираке, если там будет предпринята военная акция. По иронии судьбы, именно теперь, когда администрация США стремится преобразовать и адаптировать НАТО для выполнения задач в условиях новой эпохи, некоторые европейцы, наиболее активно критиковавшие ее за то, что она обошла НАТО во время кризиса в Афганистане, блокируют усилия по повышению ответственности НАТО в Афганистане и Ираке. Такая тактика недальновидна и только мешает процессу преобразований, который необходим НАТО для повышения значимости ее роли в отражении новых угроз.

С уважением,

Стив

Уважаемый Стив!

Действительно, НСР задуманы для выполнения более масштабных задач, чем эвакуация из Буаке. Однако, то, о чем я говорю, также относится к более масштабным задачам, например, организации в кратчайшие сроки операции по эвакуации в неблагоприятных условиях приблизительно двадцати тысяч иностранных граждан из Абиджана. Насколько эффективными будут НСР в планируемом в настоящее время составе? Они не должны стать гибридом, который планируется сейчас. Что это - «постоянные-непостоянные» или «непостоянные-постоянные» силы? Они призваны быть силами, формируемыми каждый раз в соответствии с поставленными задачами, а постоянно должны существовать только их штабы.

Действия ведущей страны имеют более серьезные последствия, чем действия других государств

То, что Вы говорите о разрыве в потенциале между Европой и США действительно верно, но мне хотелось бы добавить одно подкрепляющее положение и оттенить некоторые нюансы. Этим

разрывом фактически закрепляется разделение труда, при котором США «выбивают дверь», а европейцы «моют грязную посуду». Такое положение дел трудно оправдать в политическом плане даже в самые лучшие времена, то есть когда существует высокая степень согласия о целях и политике, как это было в период, начиная с 1995 г., в случае Балкан. Оно дает губительный эффект, когда в Североатлантическом союзе отсутствует консенсус, как это было в случае иракского кризиса. Операция по «выбиванию дверей» с участием Австралии, Великобритании и США, не перейдет плавно в «посудомоечную» операцию по поддержанию мира, при которой «ООН кормит, а ЕС платит».

Первый нюанс, который я хочу отметить, связан с тем, что разрыв в военном потенциале между европейскими членами НАТО в пропорциональном плане значительно больше, чем тот, что существует между Европой и США. Независимо от того, как определять этот разрыв, он больше между передовыми европейскими странами (во-первых, Великобританией, затем Францией) и другими отстающими государствами (они знают, о ком идет речь), чем на трансатлантическом уровне. Другой момент: некоторые назидания США о существующем разрыве порождены эмоциями. Я подозреваю, что если бы каким-то чудом европейцы смогли бы довести свои расходы на оборону до уровня, позволяющего им закупить весь комплекс средств боевого управления, связи, вычислительной техники, разведки, наблюдения и рекогносцировки (C4 ISR), необходимый для проведения собственных операций по проецированию силы, им сразу стали бы говорить о «бесполезном дублировании». Собственно это уже имеет место в случае программы «Галилей», европейского эквивалента американской «Системы глобального позиционирования», финансируемого из гражданских источников.

Наконец, Вы говорите, что администрация Буша учится на своих промахах. Я не согласен. Администрация Буша не рассматривает свои действия по Киото или НАТО как «промахи». Это политика. Когда за сутки до участия в Международной конференции по безопасности в Мюнхене министр обороны США сравнивает Германию с Кубой и Ливией, когда предпринимаются неоднократные и последовательные шаги по расколу НАТО по линии «старая Европа - новая Европа», (и не только в рамках Европейского союза), трудно сделать вывод о том, что ошибки, совершаемые администрацией Буша, случайны.

Естественно, американцы не единственные, кто играет в эти игры во время иракского кризиса. Но действия ведущей страны имеют более серьезные последствия, чем действия других государств. Более того, мы достигли такой точки, когда просто трудно представить себе такую особую обстановку, при которой можно ожидать единых военных ответных действий всех 26 государств НАТО и приглашенных стран. Недовольство на трансатлантическом уровне достигло таких масштабов, что теперь уже нелегко будет воспроизвести ситуацию применения ст. 5 Североатлантического договора, возникшую после 11 сентября 2001 г.

Я не могу вспомнить худшей ситуации. Невольно начинаешь думать о Суэцком кризисе.

С уважением,

Франсуа

Уважаемый Франсуа!

Я согласен с тем, что разрыв в военном потенциале усиливает опасное разделение труда, при котором США действуют как ударная команда, выбивающая двери, а большинству европейцам при этом отводится роль «бригады дворников» (или судомоек), которая прибывает в конце операция для очистки мусора, оставшегося после американцев. Это разделение труда губительно для единства Североатлантического союза и его военной эффективности. Оно также оставляет европейцев в состоянии зависимости. Они мало влияют на военные операции США, но должны оплачивать политические и экономические издержки этих военных акций.

Именно поэтому так важно сократить существующий разрыв в военном потенциале. Если европейские члены НАТО хотят влиять на операции под руководством США и принимаемые

Политикам на обеих сторонах Атлантики необходимо действовать с большей ответственностью, чтобы ликвидировать возникающий трансатлантический разрыв

ими решения, им необходимо приобрести способность действовать совместно с силами США на ранних этапах боевых действий, а не просто участвовать в операциях по «зачистке» или обеспечению стабильности после боевых действий. В противном случае, не остается ничего другого, как быть «бригадой дворников».

Я также согласен, что существует разрыв в военном потенциале между передовыми членами Североатлантического союза, такими как Франция и Великобритания, которые создают экспедиционные и «сетевые» силы и средства, и остальными его членами. Более того, если будет сохраняться современная тенденция, то появится опасность возникновения трехъярусного Североатлантического союза: (1) США и несколько избранных членов НАТО, способных проецировать мощь; (2) основная часть членов Североатлантического союза, структура и состав сил которых находится на уровне времен «холодной войны»; (3) новые члены НАТО, чьи силы еще менее современны, чем у стран второй группы.

Некоторые запальчивые заявления с обеих сторон Атлантики, к ним я отношу и критическое слова президента Ширака на саммите ЕС по поводу восточноевропейских стран, выступивших в поддержку США в иракском кризисе, привели к еще большему ухудшению ситуации. Политикам на обеих сторонах Атлантики необходимо прекратить «копать» друг под друга и начать действовать с большей ответственностью, чтобы ликвидировать возникающий трансатлантический разрыв.

Основная проблема заключается в том, что в США и в большей части Европы отсутствует консенсус по вопросу того, как отражать новые стратегические угрозы и решать проблемы, с которыми сталкивается Североатлантический союз. Без такого консенсуса НАТО будет трудно эффективно использовать имеющиеся у нее силы, как при наличии НСР, так и без них.

Создание необходимого стратегического консенсуса потребует просвещенного руководства США в глобальных масштабах, а также наличия желания у Вашингтона относиться к своим европейским союзникам как к подлинным партнерам, а не вассалам, которые должны сразу и безоговорочно поддерживать любую политическую инициативу США («Либо вы с нами, либо против нас»). Это не просто вопрос расширения американцами консультаций, (хотя и это необходимо), но, прежде всего, формирования в Североатлантическом союзе необходимого стратегического консенсуса по поводу своих действий. В то же время европейским союзникам США необходимо начать более серьезно, чем до сих пор, относиться к появляющимся новым угрозам и основательно заниматься преобразованием своих вооруженных сил.

С уважением,

Стив

Уважаемый Стив!

Европейцам необходимо инвестировать больше средств в оборону - здесь у нас нет расхождений. Это похоже на то, что защитники окружающей среды называют «политикой, не наносящей вреда». Нам необходимо сократить трансатлантический разрыв, чтобы не допустить развала Североатлантического союза. Ведь если он распадется, то европейцам придется больше тратить на оборону. К сожалению, то, что мы оба согласны с этим, вряд ли даст какой-либо значительный материальный эффект.

Для спасения Североатлантического союза и американцам, и европейцам нужно будет действовать с большой осторожностью

Североатлантическому союзу предстоит справиться с двумя еще более важными проблемами. Одна из них связана с изменяющимся характером угроз безопасности.

Военно-политический союз, созданный для

борьбы с угрозами, исходящими от государств, не приспособлен для отражения угроз негосударственного характера, подобных «Аль-Каиде». Полицейские действия, обмен разведанными невоенного характера, финансовый контроль и социально-экономические инициативы не входят в сферу главной компетенции НАТО. Аналогично этому в мире, где происходит быстрая смена вызовов, где геостратегический акцент меняется с Афганистана в 2001-02 гг. на Ирак в 2003-02 гг., главная задача действительно диктует состав коалиции. Независимо от наличия Сил реагирования, НАТО будет нелегко «перескакивать» от одного кризиса к другому.

Самой большой трудностью для Североатлантического союза сейчас является, скорее всего, то, что многие его члены и значительная часть населения их стран считают, что самый важный член НАТО стал подрывать безопасность. Это самый серьезный отход от единства взглядов, достигнутого между союзниками после 11 сентября 2001 г., что не предвещает ничего хорошего. Если утвердится мнение о том, что союз, цель которого укрепление безопасности, на самом деле подрывает ее, то он превратится в живой труп. Возможно, это временное явление и нам удастся снова объединиться в борьбе за ликвидацию ядерного оружия в Северной Корее. Однако мы хорошо понимаем, что для спасения Североатлантического союза от назревающего раскола Запада и американцам, и европейцам нужно будет действовать с большой осторожностью. Заметных проявлений такой осторожности в последние месяцы не было.

С уважением,

Франсуа

|||||

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ВОЕННАЯ МОЩЬ ПО- ПРЕЖНЕМУ КЛЮЧОМ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ?



Стивен Эвертс

ДА

Стивен Эвертс - старший научный сотрудник лондонского Центра по европейской реформе и директор его трансатлантической программы



НЕТ

Гэри Шмит



Гэри Шмит - исполнительный директор Проекта «Новый век Америки» (г. Вашингтон, округ Колумбия)

Уважаемый Гэри!

В современном мире вопрос относительной важности военной мощи в достижении целей внешней политики имеет ключевое значение. Достижение консенсуса на трансатлантическом уровне по этому всеобъемлющему стратегическому вопросу может быть даже важнее, чем договоренность о политике в отношении Ирака, Израиля и Палестины или Международного уголовного суда.

Решение огромного большинства современных глобальных проблем, несомненно, требует сбалансированного сочетания «жестких» и «мягких» инструментов обеспечения безопасности. Мы, вероятно, согласны с тем, что теперь международная обстановка в области безопасности коренным образом отличается от недобрых времен прошлого и их привычной фразеологии политики разрядки и сдерживания. В эпоху периода после «холодной войны» мы перешли к использованию слова «риск» вместо слова «угроза», от одного риска обмена термоядерными ударами к многочисленным угрозам глобального отсутствия безопасности. В результате этого нам приходится жить в значительно более неопределенной обстановке безопасности. Теперь между черным и белым цветом появились тысячи оттенков серого. Одним из последствий этого перехода стало то, что военная мощь частично утратила свою важность, так как она зачастую плохо приспособлена для решения сложных проблем политики и безопасности, с которыми мы теперь сталкиваемся.

Независимо от того, идет ли речь о вопросе мессианского терроризма, распространения вооружений, государств, «потерпевших неудачу», урегулировании региональных конфликтов или о любой другой международной проблеме - вывод всегда один и тот же. Эти проблемы с трудом поддаются решению. Однако, у государств, которые могут использовать весь набор имеющихся средств и которые явно стремятся к сотрудничеству с партнерами-единомышленниками, имеются значительно большие возможности для их успешного решения. Именно по этой прагматической причине я испытываю озабоченность в связи с чрезвычайной милитаризацией США. В отличие от некоторых левых в Европе меня не беспокоит мощь США. Конструктивное и многоплановое участие США в международных делах несомненно необходимо в нашем мире, где постоянно растет международная напряженность. Однако я считаю, что тенденция постоянного увеличения расходов на оборону (составляющих в настоящее время впечатляющую сумму 1 млрд. долл.

США в день), при жалких по масштабам ассигнованиях на невоенные формы участия в международных делах, не способствует выходу из создавшегося положения, так как это означает, что на реальное решение международных проблем направляется меньше средств. Это положение можно проиллюстрировать на следующем примере: процент федерального бюджета, выделяемый на международные программы, за исключением расходов на оборону, - на замечательные программы, что были предложены сенаторами Нанном и Лугаром и направлены на предотвращение попадания российского ядерного оружия и материалов в чужие руки, - сократился с четырех процентов в шестидесятые годы до двух в семидесятые годы, а в настоящее время составляет чуть больше одного процента.

Нет сомнений в том, что в определенных обстоятельствах превосходство в военной силе может быть необходимым и давать необходимые результаты, как в ходе боевых действий против «талибов» в Афганистане. Но сама по себе

военная сила редко приводит к решению проблем, даже в среднесрочной перспективе. Достаточно взглянуть на современный Афганистан. В более широком плане я не думаю, что «всеобъемлющее господство» само по себе поможет США победить в противостоянии с терроризмом. Уничтожение терроризма - это главным образом дело органов полиции и разведки, оно также требует привлечения на свою сторону граждан, а это, как теперь знают европейцы, обычно удается с трудом. Оно также не будет способствовать усилению движения России к сближению с Западом, интеграции Китая в глобальную систему или мирному урегулированию на Ближнем Востоке.

Военная мощь зачастую плохо приспособлена для решения сложных проблем политики и безопасности, с которыми мы теперь сталкиваемся

Инструменты, которые имеются в распоряжении государств, неизбежно оказывают воздействие на их «мировоззрение». Поведение США все больше напоминает мне одну поговорку: «Когда в руках молоток, все проблемы начинают напоминать гвозди». Довольно хоббессианские мировоззренческие принципы, заложенные в новой стратегии национальной безопасности, в основе которой лежит доктрина упреждающего удара, усилили опасения европейцев о том, что происходит все большее расхождение между Европой и США по важнейшему вопросу глобальной стратегии.

В ответ на сетования европейцев на односторонние действия США, американцы зачастую ссылаются на слишком низкий уровень расходов на оборону в Европе. Ясно, что существуют серьезные основания для усиления военно-технического потенциала в Европе. Хорошо, что некоторые страны, такие как Франция и Великобритания, теперь повышают свои расходы на оборону. Как и многие другие аналитики, я поддерживаю расхожее мнение о том, что без увеличения расходов на оборону, причем увеличения разумного, Европе не удастся реализовать своих амбиций в области внешней политики. Когда эти вопросы обсуждаются европейцами, я выступаю за резкое усиление европейского военного потенциала, причем не для того, чтобы угодить американцам, а чтобы Европа смогла выполнить задачи, которые она себе поставила - как в НАТО, так и в Европейском союзе.

Однако нежелание Европы менять свои приоритеты в области расходов на оборону объясняется весьма вескими причинами. Во-первых, решения США по этим вопросам создают вакуум в области безопасности, который должна заполнять Европа. Проще говоря, если США не занимаются постконфликтным восстановлением, то кто это будет делать? Во-вторых, многие европейцы скептически относятся к доводам о том, что повышение военного потенциала усилит их влияние в Вашингтоне, как это утверждают некоторые аналитики. Тенденция, наблюдаемая в США, особенно при нынешней администрации, предполагает сначала принятие стратегии, а затем использование нажима и убеждений, чтобы подтолкнуть союзников к ее поддержке. Как язвительно говорят в Европе - не без доли серьезности - США стремятся не к добровольческим коалициям, а к коалициям покладистых добровольцев. Многие в Европе задают себе вопрос, а есть ли смысл увеличивать расходы

на оборону, если военная сила позволяет решать лишь небольшое и постоянно уменьшающееся число международных проблем, причем зачастую только на короткий период времени?

Очевидно, необходимо провести дискуссию на трансатлантическом уровне для определения важнейших глобальных проблем (проблема «сумасшедшие и бесхозное ядерное оружие» по сравнению с вопросом «темные стороны глобализации»), а также выяснить, чьи стратегии эффективнее (односторонне применение военной силы и упреждающих ударов или широкие коалиции и сочетание жестких и «мягких» мер безопасности).

В настоящее время в Вашингтоне почти обязательным стало проклинать европейцев за их неспособность выделять достаточные средства на оборону. Но если подумать, то становится ясно, что диспропорция с американской стороны значительно больше, и это вызывает большое беспокойство. Я надеюсь, что придет тот день, когда США поймут, что они совершенно неправильно определили свои первоочередные задачи в области расходов. Американский стиль военного превосходства может обеспечивать стране чувство своей значимости, но он мало что дает для решения все увеличивающихся проблем нашего беспокойного мира.

С уважением,

Стивен

Уважаемый Стивен!

Прежде чем я отвечу на Ваши замечания, мне хотелось бы ответить на конкретный вопрос, который нас просили рассмотреть: «Является ли военная мощь по-прежнему ключом к обеспечению международной безопасности?» Краткий ответ: «Нет». Ключом, как это было всегда, является характер режимов, образующих международный порядок. А в современный период ключом к обеспечению международной безопасности является принадлежность государства или государств к либеральной демократии. Величайшим достижением теории международной безопасности явилось «открытие» того, что международный мир и процветание прямо пропорциональны распространению либерально-демократических правительств во всем мире.

И все же, является ли военная мощь вторым по значимости ключом к обеспечению международной безопасности? Здесь я отвечаю: «Да». Единственным ключом? Нет. Может ли он решить все проблемы? Нет. Однако эта мощь служит в качестве второго по значимости объяснения причин поведения большинства государств, причин того, почему они не ведут себя так, как могли бы, а также того, почему этот элемент государственного управления служит основой для повышения эффективности других средств. Более того, единственной причиной, почему мы участвуем в этой дискуссии является, по иронии судьбы то, что военная мощь США стала настолько вездесущей, что выгоды, которые это приносит в области международной стабильности воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Хорошим примером этого служит Ваше замечание о том, что военная сила не может «помочь закрепить движение России в направлении Запада, содействовать интеграции Китая в международную системы или способствовать мирному урегулированию на Ближнем Востоке». Военная мощь не может, разумеется, «решить» эти проблемы, но преобладающая военная мощь, которой обладают США или Израиль, на деле препятствует принятию Россией, Китаем и Палестинской администрацией политики, которая будет более деструктивной по отношению к международному порядку. Короче говоря, военная мощь имеет значение не только потому, что некоторые проблемы рассматриваются как «гвозди» (Милошевич, бен Ладен и др.), но также и потому,

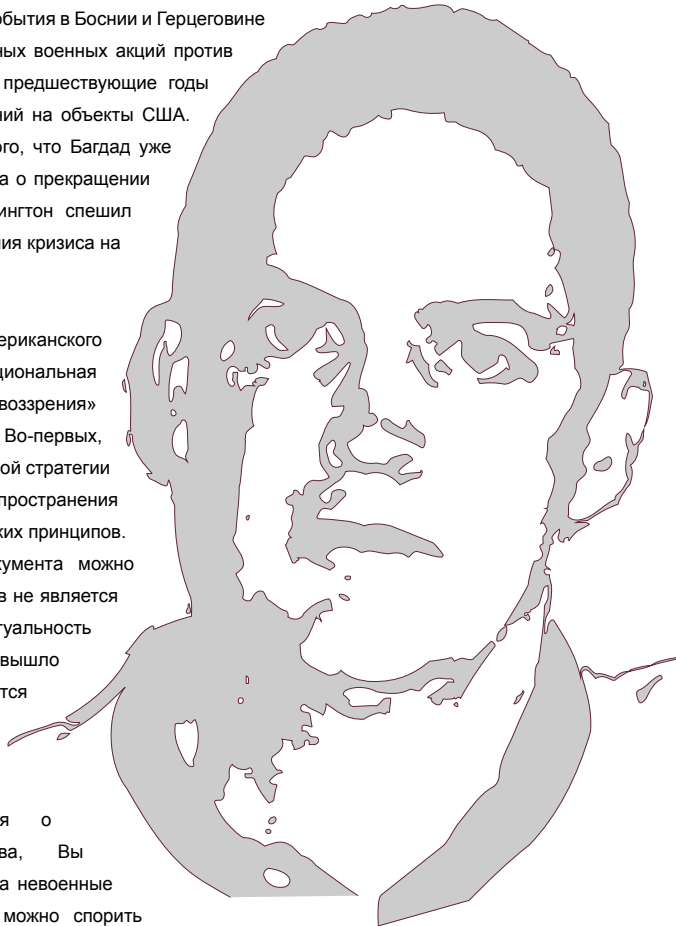
что военное превосходство может сдерживать появление огромного числа проблем. Достаточно вообразить положение, при котором у США не было бы глобальных военных возможностей, чтобы понять, насколько иным (и более опасным) был бы наш мир.

В отличие от этого Ваше общее положение заключается в том, что США не поняли, что после окончания «холодной войны» «военная мощь стала менее значимой» в этой предположительно более «сложной обстановке в области политики и безопасности». Отвлекаясь от того, что Вы характеризуете проблемы, с которыми США сталкивались во время «холодной войны» в черно-белом свете, сводя все к «обмену термоядерными ударами», что не точно (и я бы сказал евроцентрично), было бы также неправильно определять текущее руководство США как склонное к «сверхмилитаризации».

После окончания «холодной войны» военный бюджет США уменьшился, также как это было в Европе. Десять лет назад расходы США на оборону составляли чуть меньше 5% ВВП. Когда к власти пришел Джордж Буш, они составляли едва 3%. Более того, до 11 сентября 2001 г. администрация Буша ясно заявляла о том, что не намерена существенно повышать расходы на оборону. Естественно, с учетом масштабов экономики США, 3,4% или 3,3% ВВП (расчетная величина бремени расходов на оборону на ближайшие два года), является весьма значительной суммой. Однако с учетом глобальной ответственности США в области обеспечения безопасности - в Азии, Европе, на Ближнем Востоке, а теперь и у себя дома - этого едва ли достаточно. Более того, обладание первоклассными вооруженными силами не привело к тому, что США всегда «стреляют первыми». Например, они не спешили вмешиваться в события в Боснии и Герцеговине или Косово. США также не предпринимали решительных военных акций против бен-Ладена до 11 сентября, несмотря на то, что в предшествующие годы «Аль-Каида» уничтожила сотни людей в ходе нападений на объекты США. Даже назревающий конфликт с Ираком - результат того, что Багдад уже в течение десяти лет не выполняет свои обязательства о прекращении огня. Я также не вижу признаков того, чтобы Вашингтон спешил нанести хирургические воздушные удары для разрешения кризиса на Корейском полуострове.

Вы развиваете этот карикатурный вариант американского государственного руководства, отмечая, что новая национальная стратегия безопасности исходит из «хоббесианского мировоззрения» и в ее «основе» лежит доктрина упреждающих ударов. Во-первых, если бы она была действительно хоббесианской, то в этой стратегии не уделялось бы главное внимание необходимости распространения во всем мире либеральных политических и экономических принципов. Во-вторых, при внимательном прочтении этого документа можно сделать вывод о том, что вариант упреждающих ударов не является главным в этой новой стратегии. Повышается ли его актуальность в эпоху безопасности, когда распространение оружия вышло из-под контроля с опасными последствиями? Да. Является ли этот элемент определяющим для всей стратегии? Наверяд ли.

Наконец, в подтверждение своего заявления о «сверхмилитаризации» американского государства, Вы заявляете, что Вашингтон ассигнует «жалкие суммы на невоенные формы международного сотрудничества». Конечно, можно спорить



о том, достаточно ли выделяется США средств (12,7 млрд. долл. США в 2000 г.) на помощь другим странам или вообще меняет ли что-либо иностранная помощь, но называть уровень помощи США «жалким» - это уже гипербола. Кроме Японии, ни одна другая страна не тратит столько средств на государственную иностранную помощь, как США, а в следующем году они превзойдут в этом все другие страны. Даже теперь помощь, предоставляемая США, оказывается на более щедрых условиях. (Япония оказывает большую часть своей помощи в виде займов-грантов - и требует, как и ряд европейских государств, расходовать эти средства на закупки своих товаров и услуг). Фактом является и то, что правительство США выступает крупнейшим донором развивающихся стран на двустороннем уровне: 11 млрд. долл. США предоставляется в виде официальной помощи на развитие и свыше 17 млрд. долл. США - в других видах содействия. Они также являются мировым лидером в области гуманитарной помощи; крупнейшим донором многосторонних банков развития; лидером в области частных благотворительных пожертвований; крупнейшим источником частного капитала для развивающихся государств. Более того, ежегодно в развивающиеся страны в виде частных переводов направляются свыше 30 млрд. долл. США - эта сумма равна или превосходит оборонный бюджет любого государства НАТО, за исключением Великобритании и США.

Ключом к обеспечению международной безопасности является принадлежность государства или государств к либеральной демократии

Европейцы любят рассуждать о том, что, как Вы утверждаете, они обладают более объективным и тонким пониманием того, что требуется для решения современных проблем в области безопасности, чем эти «ковбои» в Америке. Но факты показывают, что США не только обладают самым большим молотком в мире, но также и

самым щедрым «карманом». Мне представляется, что там все значительно более сбалансировано, чем, например, в Германии, где, если сложить средства, расходуемые на иностранную помощь и вооруженные силы, итоговая сумма все равно не дотягивает до двух процентов ВВП. Искренне говоря, это и не удивительно, так как Германия, и в более широком плане, Европа, после «холодной войны» полагается на США при выполнении тяжелой работы по решению крупнейших глобальных проблем безопасности в мире. Ну и пусть. Но европейцам нужно прекратить превращать эту свою слабость в некоторое новое понимание того, что является ключом к международной безопасности в мире в период после «холодной войны».

С уважением,

Гэри

Уважаемый Гэри!

Позвольте мне отметить в ответ три положения. Они связаны с характером вопросов повестки дня в области обеспечения безопасности; эффективностью вооруженных сил; выбором, определяющим бюджетные расходы.

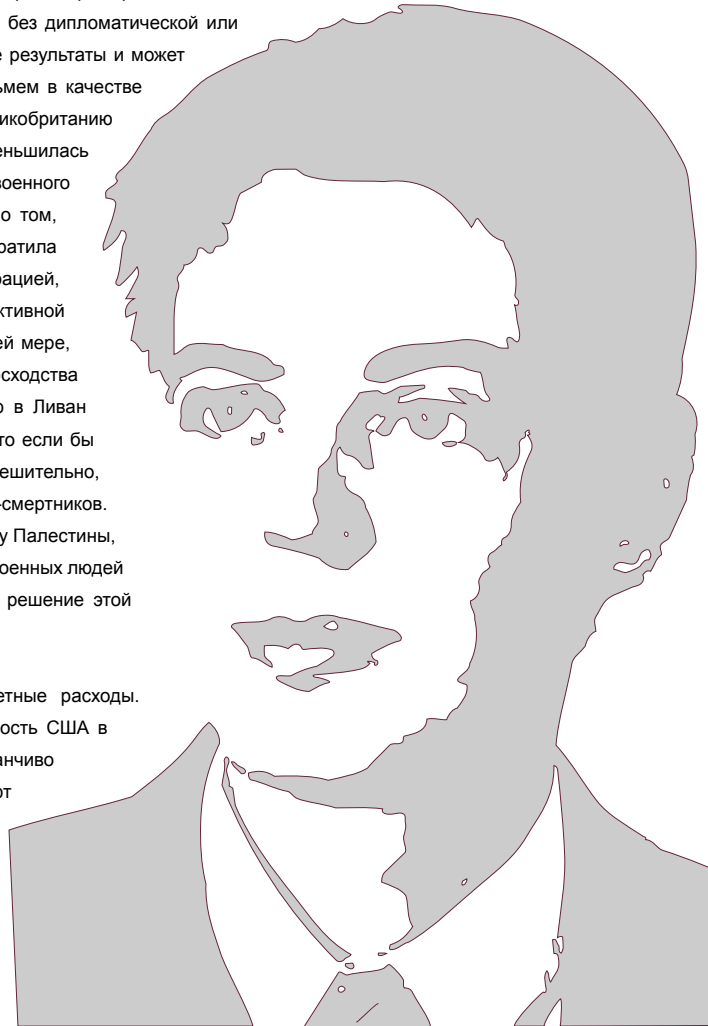
Я рад нашему единству мнений о том, что ключом к обеспечению международной безопасности является не наличие у государств избыточной военной мощи, а их принадлежность к либеральной демократии. То, что страны либеральной демократии не воюют друг с другом, действительно, почти что «эмпирический закон» международных отношений. Вопрос теперь заключается в том, как нам наилучшим образом расширить сферу демократического мира? Я полагаю, что создание либеральных демократических государств достигается наилучшим образом посредством предотвращения конфликтов и постконфликтного восстановления, которым так часто занимаются европейцы - и которое зачастую отвергается или

применяется американцами. Повышение расходов на оборону оправдает себя, если США захотят еще больше усилить свое военное лидерство. Однако, что они будут делать для предотвращения анархии в слабых или «потерпевших неудачу» государствах? Как они смогут способствовать тому, чтобы Афганистан не стал вновь прибежищем для разных князьков и фанатических исламских организаций?

Восстановление стран после военной разрухи - тяжелая и неблагодарная задача. Она также требует больших затрат и времени, чем военная фаза. Было бы хорошо, если США изменили бы свое неприятие задачи «построения государства», а также предложили для этого необходимые финансовые ресурсы и взяли на себя соответствующие политические обязательства. С военной стороны США могли бы присоединиться к своим европейским союзникам и выделять больше сил для проведения миссий ООН. В настоящий момент в операциях под руководством ООН со стороны США участвует лишь один военнослужащий - да, один - (при общем числе 36 тыс. человек). Если бы они это сделали, то тогда в огромном выигрыше оказались бы и американский международный престиж, и глобальная безопасность.

Несомненно, что иногда нужно применять военную силу. Если дипломатия не опирается на угрозу силы, она может утратить эффективность, как мы убедились на примере, например, бывшей Югославии в начале девяностых годов. Однако, военная сила без дипломатической или политической стратегии зачастую дает еще худшие результаты и может создавать больше проблем, чем их решений. Возьмем в качестве примера Сомали в 1991-92 гг. Или, например, Великобританию и Северную Ирландию, где степень насилия уменьшилась после начала мирных переговоров, а не из-за военного превосходства Великобритании. Ваше положение о том, что превосходящая военная мощь Израиля предотвратила принятие политики Палестинской администрации, которая была бы более амбициозной и деструктивной для международного порядка, является, по меньшей мере, спорным. Восприятие собственного военного превосходства Израиля привело к катастрофическому вторжению в Ливан в 1982 г. и теперь поддерживает иллюзию о том, что если бы военные меры подавления применялись более решительно, то прекратились бы все действия террористов-смертников. Независимо от той или иной точки зрения по вопросу Палестины, только небольшое меньшинство экстремистки настроенных людей (с обеих сторон) считает, что существует военное решение этой проблемы.

Наконец, вопрос выбора, определяющего бюджетные расходы. Вы храбро защищаете предшествующую деятельность США в области помощи на развитие и приводите ряд обманчиво впечатляющих цифр. Однако, они не выдерживают критики. Во-первых, слово «жалкий» не моя и даже не европейская гипербола. Это характеристика, которую Джозеф Най дал тем суммам, которые в настоящее время США отводят на обеспечение «мягкой безопасности». Во-вторых, 11 млрд. долл. США, которые Америка выделяет на иностранную помощь, выглядят менее



впечатляюще, если учесть, что более 5 млрд. долл. США направляется исключительно Израилю и Египту. Естественно, США часто, но не всегда, выступают в качестве крупнейшего донора и, конечно же, вносит значительные взносы в бюджеты ООН, МВФ, Всемирного банка и других международных организаций. Но если свести вместе то, что делают в совокупности европейцы, то их взносы затмевают взносы США - относительные цифры подтверждают это. Как постоянно повторяет Крис Паттен: «На Европейский союз и его государства-члены приходится 55% всей международной помощи на развитие и приблизительно 66% грантов содействия (обратите внимание, без каких-либо «условий»). Они финансируют 50% всей помощи палестинцам, свыше 60% всей помощи России и более 85% - Балканам».

Восстановление стран после военной разрухи - тяжелая и неблагодарная задача

Вопрос заключается не в победе на «конкурсе красоты» при оказании помощи другим странам, а в том, чтобы доказать, что решение вопросов обеспечения глобальной безопасности требуют многопланового подхода и сочетания «жестких» и «мягких» инструментов обеспечения безопасности. Ясно, что европейцам нужно усилить сплоченность и эффективность при проведении своей внешней политики. Однако глобальное управление вопросами безопасности потребует, вероятно, более значительных перемен в США. Мышление некоторых «ястребов» американской администрации, а также инструменты власти США зачастую плохо приспособлены для решения комплекса современных вопросов безопасности. Ведущим принципом трансатлантических дебатов о вкладах в обеспечение глобальной безопасности должен быть: «сначала все определить по-новому, а затем перебалансировать вклады».

С уважением,

Стивен

Уважаемый Стивен!

Хорошо, мы договорились, что ключом к международному миру и безопасности государства или государств служат страны либеральной демократии. Но Ваш ответ на вопрос: «Как можно расширить демократический мир?» показателен. Вы пишете: «Создание либерально-демократических государств лучше всего осуществлять посредством «предотвращения конфликтов и постконфликтного восстановления, чем так часто занимаются европейцы и (другие) - а американцы зачастую отвергают эту деятельность или приносят ее значение».

Во-первых, демократический мир зависит не только от роста числа демократических государств в мире. Он также зависит от сохранения и защиты существующих демократических стран. Вы говорите так, как если бы мир и безопасность, в которых живут сегодня демократические страны, были бы самоподдерживающимися. Однако, это не так. Неужели ли Вы действительно считаете, что если бы военной мощи США не было, то демократия Южной Кореи была бы в безопасности от огромного арсенала Северной Кореи? Неужели Вы действительно считаете, что если бы не было авианосных групп США, то демократия Тайваня сохранилась бы дольше недели, учитывая заявленную цель Китая захватить Тайвань силой? Неужели Вы действительно думаете, что если бы не было военного превосходства США, то Ирак не захватил бы огромные запасы нефти, от которых зависят западные демократические страны? Неужели Вы действительно думаете, что демократический Израиль существовал бы сегодня, если бы его вооруженные силы значительно не превосходили бы силы Сирии или Ирака? Подписал ли бы Египет мирное соглашение с Израилем, если бы он дважды не потерпел поражение на поле боя? Да и вообще, почему так получается, что новые европейские демократические страны прежде всего стремятся вступить в НАТО, а затем в Европейский союз? Не потому

ли, что они считают, что прежде всего надо обеспечить безопасность? А безопасность основывается на связи с превосходящей военной мощью.

Что касается других Ваших положений, то я никогда не заявлял, что «существует военное решение» израильско-палестинской проблемы. Однако, очевидно, что если бы военный потенциал Израиля

Военное превосходство позволяет держать под контролем огромное число проблем

был бы, скажем, такого порядка, как у Ливана, то у «мирного процесса» было бы еще меньше шансов на успех, так как Арафат и его друзья лишь слегка подправили свои планы - которые включали в себя уничтожение Израиля - перед лицом способности Израиля защитить себя. Следуя той же логике Вы, как кажется, хотите перескочить к «постконфликтному восстановлению», не признавая очевидного: раз за разом подтверждается то, что если не избавиться от бандитов, стоящих у власти, - которые, кстати, не очень-то обеспокоены Вашими предостережениями о «предконфликтном» состоянии, то расширить демократический мир будет невозможно. С какими бы проблемами мы не сталкивались в создании благопристойного и стабильного самоуправления в Афганистане, Боснии и Герцеговине и Косово, сама возможность создания приличных режимов в каждой из них существует потому, что сначала там была использована превосходящая военная мощь. Даже Ваша ссылка на конфликт в Северной Ирландии подтверждает это положение. Хотя насилие пошло на убыль после начала мирных переговоров, именно успешное применение мощи английской полицией, разведкой и вооруженными силами вынудило ИРА понять, что она не сможет достичь своих целей терроризмом.

Наконец, Вы продолжаете развивать свое карикатурное представление об американской государственной власти. Последний факт, который Вы привели: у США только «один - да, один - военнослужащий, участвующий в миротворческих операциях под руководством ООН». Но при этом Вы не упоминаете о том, что США платят больше, чем за одну треть таких операций (больше, чем в два раза, чем любая другая держава мира) и это в добавление ко всем другим их глобальным военным обязательствам. В 2001 г. США оставались страной, вносившей самый большой вклад в многосторонние миротворческие операции.

Действительно верно, что Европа в целом расходует больше на государственное финансирование международной помощи на развитие, чем США. Но при этом возникает вопрос эффективности такой помощи. Помощь частного сектора США на развитие составляет 36 млрд. долл. США в год. Эта цифра намного превышает любую сопоставимую цифру Европейского союза и отражает мнение, существующее в США, что большей частью помощи лучше и эффективнее управлять через частные неправительственные организации. То, что Джо Най, гуру американской «мягкой мощи» не знает об этом факте «мягкой мощи», звучит слегка иронично. Вместе с тем, в период до 11 сентября 2001 г. Европа в целом и отдельные ее страны проставляли подавляющую часть помощи на развитие Афганистану, Ираку, Ливии и Палестинской администрации. Может быть Крис Паттен может объяснить, как так получилось, что эти сотни миллионов долларов не упрочили мир и не расширили границы демократического мира. Однако, я сомневаюсь в этом.

С уважением,

Гэри

Уважаемый Гэри!

В завершение нашей дискуссии позвольте мне вновь повторить свой основной довод: для решения большинства современных проблем безопасности, страны или точнее группы стран, должны применять многоплановый подход - сочетать «жесткие» и «мягкие» инструменты обеспечения безопасности, - а также проявлять явное

стремление не сбиваться с этого курса. Пусть другие решают является ли то, что я неоднократно говорил об американской политике ее «карикатурным представлением» - если Вы еще раз прочтете материал нашей дискуссии, то убедитесь, что мои слова не были такими поверхностными. Рискую повториться, я позволю себе еще раз подчеркнуть то, что я твердо выступаю за активное участие США в мировых делах. Приведу лишь один пример: американская политика в первое десятилетие после второй мировой войны была дальновидной, щедрой и невероятно успешной. Я также признаю, что всегда будут существовать различия в акцентах во вкладах Европы и США в обеспечении глобальной безопасности.

Чем больше США будут полагаться на «жесткую» мощь и нажим, тем меньше им будет удаваться использовать «мягкую» мощь и убеждение

Однако меня реально беспокоит то, что хотя Европа неуверенно и не идеальным способом пытается устранять свои слабые места, я не вижу подобных тенденций в США. В любом случае, существующие диспропорции и различия

в мышлении и ресурсах увеличиваются. Это имеет особое значение, но неприятная истина заключается в том, что чем больше США будут полагаться на «жесткую» мощь и нажим, тем меньше им будет удаваться использовать «мягкую» мощь и убеждение. Существует огромная опасность, что такое пророчество может начать сбываться. В результате этого в мире понизится безопасность и он станет более тревожным.

С уважением,

Стивен

Уважаемый Стивен!

Я также согласен с Вами, что для решения международных проблем требуется многоплановый подход. Вместе с тем, интересно отметить, что по Вашему мнению политика, принятая США в десятилетие после второй мировой войны, была «дальновидной, щедрой и невероятно успешной». Я также согласен с этим суждением. Однако, в чем же заключалась эта политика? В основном она заключалась в создании международной экономической и финансовой системы, сети союзов с демократическими государствами во всем мире, помощи в восстановлении государств, разрушенных войной, и мощной программе перевооружения. С учетом изменений обстоятельств а, отсюда и того, как применяются эти принципы, они по-прежнему остаются основными элементами государственного управления США.

Если не избавиться от бандитов, стоящих у власти, то расширить демократический мир будет невозможно

Искренне говоря, реальные проблемы, возникающие между европейцами и США, заключаются не в том, что США не используют многоплановый подход к мировым делам, а в том, США не заинтересованы в расширении такого подхода с включением в него новых многосторонних

институтов и договоров, чтобы связать себя по рукам и ногам. По многим причинам прошлого и настоящего, создается впечатление, что многие в континентальной Европе утратили веру в способность либерально-демократических государств удерживать власть и разумно пользоваться ею. Это не относится к США. Мы по-прежнему считаем, что мир и процветание в мире в конечном счете основывается на том, что демократы мира должны обладать большей огневой мощью, чем международные бандиты.

С уважением,

Гэри

МОЖЕТ И ДОЛЖНА ЛИ ЕВРОПА ЛИКВИДИРОВАТЬ РАЗРЫВ В ВОЕННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ?



Ив Бойер

ДА

Ив Бойер - заместитель директора парижского Фонда стратегических исследований и председатель Французского общества военных исследований



НЕТ

Буркард
Шмит



Буркард Шмит - старший научный сотрудник и заместитель директора парижского Института Европейского союза по исследованию вопросов безопасности

Уважаемый Буркард!

С учетом того, что в прошлом году расходы США на оборону на 85% превысили совокупные расходы всех других союзников по НАТО, разница между военными потенциалами на обеих сторонах Атлантики, вероятно, никогда еще не была такой большой. Хотя для дальнейшего взаимодействия и ведения военных действий европейским странам весьма необходимо поддерживать способность к совместимости своих сил с силами США, важно провести черту между этим императивом и политическими последствиями того или иного выбора технологий, который может создать зависимость.

Как Вы знаете, в настоящее время предпринимаются попытки подтолкнуть страны Западной Европы к ликвидации «разрыва» между военным потенциалом их вооруженных сил и США. Попытки такого рода также стары, как сам Североатлантический союз. Но теперь, в добавление к традиционным доводам для убеждения западных европейцев увеличить свои расходы на оборону используется и аргумент о необходимости участия в противоборстве с терроризмом. Однако предстоит еще доказать необходимость повышения военных расходов в связи с борьбой с терроризмом.

Предстоящий саммит НАТО в Праге несомненно станет еще одним поводом подчеркнуть огромный разрыв в расходах на оборону между Соединенными Штатами и их союзниками по НАТО, а также даст возможность руководителям США указать на неблестящие успехи европейцев в его ликвидации. В этой связи необходимо помнить о том, что военный потенциал Европейского союза значительно превосходит потенциал его непосредственных соседей и в международных масштабах уступает лишь США.

Мотивы, которые побуждают сейчас США выступать с этими предостережениями, вероятно, имеют большее значение, чем сам разрыв. Среди этих мотивов два имеют особую значимость: первый - неспособность Североатлантического союза реализовать свою последнюю программу высокого уровня по повышению военного потенциала «Инициативу в области оборонного потенциала» (ИОП); и второй - растущая напористость европейских стран в ключевых высокотехнологических областях, в результате чего может возникнуть опасность появления у США конкурентов в тех областях, где они в настоящее время обладают практически монополиями.

В ИОП европейским союзникам по сути дела предлагалось преобразовать состав и структуру своих вооруженных сил в соответствие с замыслами американских военных. Таким образом, Североатлантический союз должен был трансформироваться в единую зону в сфере стратегии и обороны под руководством США. Более того, технологический прогресс фактически стал заменителем установленной угрозы и используется с целью большей военной интеграции в атлантическом регионе и доведения ее до уровня, невиданного даже в эпоху советской угрозы.

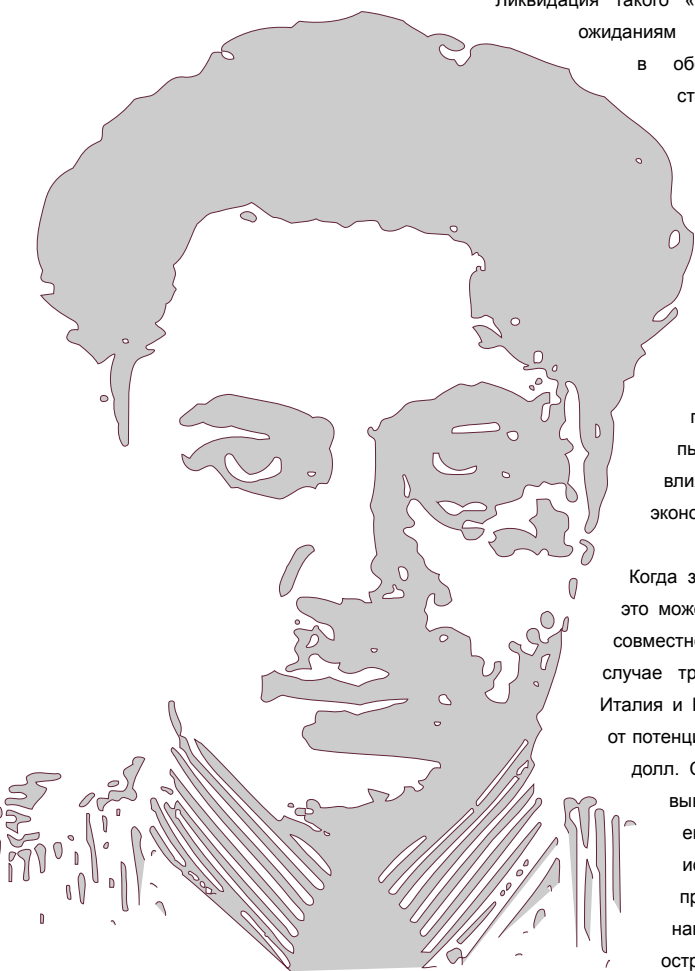
По данным только за 2001 г. расходы США на военные НИОКР превышали весь оборонный бюджет Германии

США эти взгляды должны были также быть приняты в Европе. Исходя из роли технологий в качестве основной движущей силы военных действий, было легко отмечать значимость явного разрыва между двумя сторонами Атлантики. Более того, по данным только за 2001 г. расходы США на военные НИОКР превышали весь оборонный бюджет Германии.

Взгляды США на военные действия будущего находятся под значительным влиянием революционных изменений в способах обработки боевых разведывательных данных и находят свое краткое выражение в концепции «сетевых методов ведения войны». По замыслу

Ликвидация такого «разрыва» может, конечно, также соответствовать ожиданиям ключевых европейских кампаний, работающих в оборонной промышленности. Они стремятся к стабилизации ухудшающегося внутреннего рынка и выходу на американские рынки оборонной промышленности. Однако то, что же выиграет Западная Европа в финансовом плане, будет потеряно в политическом. Европа попадет еще в большую зависимость от США, так как Вашингтон станет единственным обладателем «ключей» к «системе систем», в чем, собственно и заключается суть «сетевых методов ведения войны». Является ли такая политика последовательной в период, когда Европейский союз пытается получить политическую роль и оказывать влияние на международной арене, выходя за пределы экономической и валютно-финансовой сферы?

Когда за основу берется американская модель, то иногда это может быть в ущерб Европе, как это было в случае с совместной программой ударного истребителя. В данном случае три члена Европейского союза - Великобритания, Италия и Нидерланды - будут в предстоящие годы отвлекать от потенциальных расходов на НИОКР в Европе почти 4 млрд. долл. США. Эти расходы, от которых в большой степени выигрывают американские кампании, погашаются за счет европейских средств, в то время, когда европейские исследовательские программы, такие как Европейская программа технологического доступа (ЭТАП), направленная на ликвидацию разрыва в области НИОКР, остро нуждаются в дополнительных инвестициях. Вместе



с тем создается впечатление, что среди европейских стран наблюдается большая решимость инвестировать в высокотехнологичные программы, как, например, это видно на примере проекта «Галилей» - коммерчески-ориентированной программы спутниковой навигационной системы, создаваемой несмотря на противодействие и лоббирование США с целью ее отмены.

Вместо того, чтобы предаваться размышлениям о «разрыве» в военном потенциале, членам ЕС надо бы подумать о динамике, необходимой для осуществления идеи европейской политики в области безопасности и обороны (ЕПБО), и проанализировать военные потребности европейских стран, которые могут потребоваться для обеспечения ее действенности. Тем не менее, вопрос создания военных средств и выработки оперативных доктрин, которые смогут наполнить содержанием ЕПБО, почти не обсуждается. Европа нуждается в усилении военного потенциала. Однако европейцам необходимо изобрести модель приемов ведения войны, которая приспособлена специально к потребностям Европейского союза, которая «сделана в Европе» и в которой упор на технологию, скорее всего, будет значительно меньшим по сравнению с ее американским эквивалентом.

С уважением,

Ив

Уважаемый Ив!

Общепризнано, что в вооруженных силах европейских стран существует серьезный дефицит военных возможностей. Проблема эта и военная, и политическая. Во-первых, все более трудным становится достижение оперативной совместимости с силами США. Во-вторых, ЕПБО рискует так и остаться «бумажным тигром».

Нет сомнений в том, что дефицит военного потенциала связан с бюджетными ограничениями. Главная проблема расходов на оборону в Европе, однако, заключается не в количестве, а в качестве. Структуры вооруженных сил многих европейских

Структуры вооруженных сил многих европейских стран просто не соответствуют новым вызовам в области безопасности

стран просто не соответствуют новым вызовам в области безопасности, и что еще более важно, все европейские страны рассматривают вооружение как свою национальную принадлежность. Вследствие этого они продолжают разбазаривать свои скудные средства на дорогостоящее дублирование сил и средств, закупочных агентств, оборонных регламентирующих документов и т.д. Если учесть степень интеграции, которая уже достигнута в Европе в других областях, эта практика не только изжила себя, но с точки зрения налогоплательщиков она просто возмутительна. Поэтому я хочу выдвинуть тезис о том, что любое увеличение бюджета на оборону должно быть увязано со структурными реформами, направленными на содействие развитию общего европейского оборонного рынка и общей политики в области вооружений.

Что же касается ИОП, то я с Вами в некоторой степени согласен. Естественно, в ИОП принят восходящий подход к реализации Стратегической концепции НАТО, а она, естественно, исходит из американской структуры вооруженных сил. С другой стороны, я сомневаюсь, что ИОП сможет действительно стать дверцей к единой зоне в области стратегических и оборонных дел под руководством США. Я могу утверждать, что уже существует особый европейский подход к использованию военной мощи, который встроен в более широкий подход к обеспечению безопасности и основан на особой культуре обеспечения безопасности. Да, эта культура еще не породила европейскую стратегическую концепцию, но во многих европейских странах имеется почти инстинктивное нежелание воспроизводить американский подход с упором на военную мощь. Это, в свою

очередь, имеет большое влияние на решения европейских стран уклоняться от согласия с обязательствами по ИОП, которые слишком сильно отражают американский подход к обеспечению безопасности.

Существуют, естественно, позиции, которые включены в списки дефицита и в ИОП, и в Плане действий Европейского союза в области военного потенциала. Нет сомнений в том, что европейцам необходимо рассматривать эти позиции как приоритетные. Будут ли эти пробелы ликвидироваться за счет американской или европейской военной техники - это будут решать заинтересованные национальные правительства. Европейские страны, не имеющие значительной оборонной промышленности, традиционно покупали американскую военную технику. Это может вызывать сожаление, но частично в этом виноваты и крупные страны-производительницы оружия, которые не смогли включить своих партнеров в общий политический проект.

Однако еще большее замешательство вызывает то, что даже крупные страны-производители оружия, судя по всему, не имеют ясной европейской стратегии в своей политике военных закупок и развития оборонной промышленности. Эта проблема выходит за рамки ИОП. Взять ли неспособность выйти на первые роли в европейском военном кораблестроении и производстве наземных вооружений, затяжки с началом крупных совместных проектов или невозможность создать Европейское агентство по вопросам вооружений - во всем этом просто отсутствует политическая воля при поиске общих решений. И снова реальной проблемой стала слабость Европы и отсутствие честолюбия, а не сила США и их стремление к гегемонии.

Поэтому я испытываю меньший оптимизм, чем Вы, в связи с решимостью Европы повысить инвестиции в высокотехнологические программы. Боюсь, что пример с программой «Галилей» несколько вводит нас в заблуждение. Во-первых, это гражданский проект, а поэтому для определенных европейских стран в политическом плане здесь значительно проще и изыскивать финансовые средства, и соперничать с США. Во-вторых, я сильно сомневаюсь, что реализация этой программы вообще когда-либо началась бы без движущей силы Комиссии ЕС. ЭТАП, как межправительственная программа, зависит исключительно от желания стран-участниц продолжать эту работу и опыт уже ясно показал, насколько трудной может быть такая задача.

По моему мнению общей проблемой является отсутствие ясности в связи с ЕПБО и ее стратегическими и концептуальными последствиями. С учетом расхождений между государствами-членами ЕС, в начале, пожалуй, была необходима определенная конструктивная двойственность, с тем чтобы запустить этот проект в политическом плане. Однако нельзя бесконечно игнорировать расхождения, а отсутствие ясности все больше затрудняет реализацию ЕПБО.

Для реализации ЕПБО необходимо решить две задачи. Первое, Европейскому союзу не удастся избежать определения и выработки своей собственной

стратегической концепции в качестве основы практического планирования. Этого можно добиться только при условии договоренности между государствами-членами союза о том, что Европейскому союзу нет необходимости включать в свою сферу деятельности те сценарии конфликтов высокой интенсивности, что имеются в США. Однако, это не означает, что Европейский союз может и впредь уделять внимание исключительно конфликтам низкой интенсивности. Во-вторых, европейским странам придется резко повысить эффективность затрат при проведении своей политики в области государственных закупок военной техники. Эту задачу можно будет решить только в том случае, если Европейский союз начнет участвовать в процессе закупок вооружений, предусмотрев при этом определенную роль Комиссии ЕС.

Так что, в основном, Вы правы, говоря, что члены ЕС должны уделять больше внимания повышению действенности ЕПБО. Это не только повысит европейский военный потенциал, но также облегчит ход трансатлантического диалога в целом. Разъяснение вопросов, вызывающих расхождения, вовсе не обостряет их, а напротив, создает прочную основу для открытого и конкретного их обсуждения, что американцы всегда и предпочитали.

С уважением,

Буркард

Уважаемый Буркард!

Я согласен с Вами в том, что процесс приобретения Европейским союзом собственного военного потенциала далеко не такой простой. Тем не менее, процесс это уже начался. Он явился логическим следствием политического курса глав государств и правительств Европейского союза. Его нормативно-правовая основа была заложена Маастрихтским договором 1992 г. и отсчет политического времени начался на франко-английской встрече в Сан-Мало (Франция) в 1998 г. Несмотря на это, для того, чтобы этот проект был реализован потребуются, наверно, столько же лет, сколько потребовалось для введения евро. Более того, нельзя забывать о том, что когда началось обсуждение общей денежной единицы, эта идея была встречена скептически и даже с открытой враждебностью. Тем не менее, спустя двадцать лет она стала реальностью, а последствия ее введения не вызвали катаклизмов.

Процесс развития евро следовал традиционной модели европейского строительства. Как-то раз бывший председатель Комиссии ЕС Жак Делор охарактеризовал его как цикл, в котором за годами застоя следует период стремительного развития, что в свою очередь ведет к кризису и снова к застою. Представляется, что процесс создания европейской оборонной политики идет по такому же пути.

Европейцам необходимо изобрести модель приемов ведения войны, которая приспособлена специально к потребностям Европейского союза

До того, как европейцы достигнут свою цель создания общей оборонной политики, предстоит еще решить многочисленные сложные вопросы. Их решение скорее всего будет сопровождаться значительно более болезненным процессом, чем мы можем себе сейчас представить. Это можно показать на двух примерах. Первый связан с технологиями. Второй - с военной стратегией каждой из страны ЕС.

Как вы справедливо отметили, программа «Галилей» является, строго говоря, гражданской. Однако, она выходит за эти рамки, так как включает также военный аспект, который европейцы не могут игнорировать.

Наряду с многочисленными возможностями ее военного применения, программа «Галилей» может обеспечивать необходимые данные для применения высокоточного оружия большой дальности. Она может подготовить почву для создания европейского центра выбора целей поражения. Она может также предоставлять необходимые данные тактического характера для проведения, например, разминирования, когда военнослужащим необходимо работать с точностью до миллиметра. Более того, именно к этой сфере применения американских технологий спутниковой навигации США не всегда хотели давать доступ определенным союзникам. Так что область военного применения «Галилея» настолько обширна, что европейцам придется скоро заняться решением ее вопросов. Логическим решением было бы предоставить ключевую роль Штабу Европейского союза. Это, несомненно, вызовет отрицательную реакцию в некоторых странах Европы и ускорит новый кризис в отношениях между европейцами. Может быть это и совсем неплохо, так как таким образом члены ЕС будут обязаны коллективно разобраться в последствиях общей политики в области обороны.

В процессе этого каждой стране ЕС придется провести переоценку своей военной стратегии. Будет ли рациональным повышение эффективности затрат европейцами при проведении политики государственных закупок военной техники, как Вы предлагаете, игнорируя при этом другие аспекты обороны ЕС? Создание подлинной общей европейской политики в области обороны повлечет за собой структурные и функциональные преобразования, сопоставимые с открытиями Коперника. Когда мы с Вами недавно участвовали в международной конференции курсантов военных учебных заведений, большинство из которых были из Европы, многие выступали за создание общего европейского учебного заведения. Хотя такой подход кажется прагматическим, он также затрагивает ряд проблем, таких как возможности продвижения по службе в условиях ЕС. Более того, по мере того, как будет выстраиваться общая политика в области обороны, на первый план станут выходить многие вопросы, которые до этого игнорировались. К ним относятся вопросы доктрины, боевой подготовки, специализации сил и продвижения по службе, а также укрепления оборонной промышленности и закупок вооружения и военной техники. Для правильного их решения потребуется дар предвидения, инновации и смелость.

С уважением,

Ив

Уважаемый Ив!

Я искренне надеюсь, что Ваше сравнение ЕПБО с евро действительно справедливо. Однако, я иногда сомневаюсь, что политическая воля, на которую опирается европейская оборона, также сильна, как при поддержке единой денежной единицы. В любом случае, нам нельзя никогда забывать о том, что европейский военный потенциал не является самоцелью, а инструментом для достижения политических целей. Иными словами, создание ЕПБО без упрочения общего курса в области внешней политики и безопасности (ОКВПБ) бессмысленно.

Однако события после 11 сентября 2001 г. показали, насколько трудно европейцам сопротивляться центробежным силам, являющихся результатом внешнего давления. Когда начинается серьезная заварушка, вновь появляются традиционные национальные рефлексy и расхождения по поводу предназначения Европейского союза. Некоторые страны ЕС предпочитают просто воздерживаться от участия в международных делах. Другие пытаются предотвратить «гегемонию» более крупных партнеров вместо того, чтобы укреплять общий подход. А крупные государства-члены все еще считают, что они смогут

играть более важную роль в международных делах, если будут действовать вне европейского объединения стран. Однако, без а) амбиций играть международную роль, б) честного признания, что эту роль можно играть только совместно, технические, военные и финансовые препятствия на пути к общей политике в области обороны преодолеть не удастся. Однако, если нам это не удастся, то и Европейский союз в целом, и его отдельные государства-члены, полностью утратят свое международное значение.

Вы правильно заметили, что требуемое преобразование будет иметь масштабы открытий Коперника. Мне просто интересно, кто сможет быть движущей силой, способной провести такое преобразование. Между прочим, именно поэтому

Разъяснение вопросов, вызывающих расхождения, создает прочную основу для открытого и конкретного их обсуждения, что американцы всегда и предпочитали

я отмечал различия между программами «Галилей» и «ЭТАП». Вы совершенно правы, говоря, что «Галилей» имеет важные области потенциального военного применения. Однако, пока мы говорим о возможном, а не о реальности. Я здесь отмечаю, что Комиссия ЕС может играть решающую роль в этом вопросе только потому, что «Галилей» был выдвинут как гражданский проект. Я убежден, что военные проекты сильно выиграли бы, если бы опирались на мощную поддержку подлинно европейской движущей силы.

Это, однако, не означает, что в обозримом будущем обобществление обороны в европейских масштабах станет реальным вариантом. Однако, я просто не могу себе представить эффективной ЕПБО, организованной на чисто межправительственных принципах. С моей точки зрения, невозможно будет избежать некоторой степени интеграции и определенной доли надгосударственности, если мы хотим серьезно реализовать свои амбиции. Именно поэтому я уделяю такое большое внимание военным закупкам и рынкам оборонной промышленности. Бюджетные ограничения и влияние коммерческих аспектов позволяют усматривать в этих областях возможности для создания острой необходимости и оптимальных возможностей для преодоления традиционного межправительственного подхода.

Масштабы этой задачи впечатляют и текущая международная обстановка не облегчает ее решение. Возможная война с Ираком и ее последствия, текущий экономический кризис, расширение ЕС - все эти вопросы могут оказать огромное давление на Европейский союз в общем, и ОКВПБ и ЕПБО в частности. Может быть европейцам необходим кризис, чтобы побудить их к смелым и новаторским шагам.

С уважением,

Буркард

Уважаемый Буркард!

Вы затронули важнейший вопрос, когда заявили, что эффективную ЕПБО невозможно организовать на чисто межправительственных принципах. Однако нам еще явно далеко до перехода к этому подходу. Более того, в большинстве стран ЕС этот вопрос почти не подлежит открытому обсуждению. Однако эта идея сама скоро выйдет на поверхность. Взгляните, например, как развивается наша дискуссия. Мы начали с обсуждения путей, средств и структур, необходимых для разработки ЕПБО и пришли к единому мнению о том, что это - серьезные, реальные и конкретные вопросы. Более того, политики, бюрократы и военные теперь ежедневно трудятся над их решением. Их работа, однако, требует больших затрат времени, предельно трудна и редко приносит удовлетворение. Поэтому легко отмечать тупики и сбои, особенно, если проводить сравнение с достижениями НАТО за последние пятьдесят лет.

В ходе нашей дискуссии мы, тем не менее, пришли к высокой оценке ЕПБО. Если на отвлекаться на сиюминутные кризисы, то мы увидим как далеко продвинулась эта политика. В большинстве стран ЕС вопросы обороны, стоящие в их повестке дня, включают теперь европейский аспект. Учетом ситуации, существовавшей десять лет назад, - это огромный прогресс.

Создание подлинной общей европейской политики в области обороны повлечет за собой преобразования, сопоставимые с открытиями Коперника

национального суверенитета в вопросах безопасности было приостановлено и возник почти автоматический процесс принятия решений в НАТО, оно исчезло, как только закончилась «холодная война». Новые реалии не вызвали хаоса, но привели к усилению болезненного состояния в Североатлантическом союзе, что наглядно проявилось во время кризисов в Косово и Афганистане, когда НАТО пришлось бороться за достижение политического консенсуса.

Трансатлантические отношения остаются динамичными благодаря общим ценностям, общим интересам и историческому опыту. Однако, в связи со сложностью современных условий безопасности выявились новые различия во взглядах и подходе между двумя сторонами Атлантики. Восприятие угрозы в Европейском союзе с одной стороны и в США с другой, уже более не совпадает, как это было в недавнем прошлом. Этот факт медленно, но верно побуждает страны ЕС к рассмотрению вопросов создания общей политики в области обороны. Более того, следует отметить, что решение о выдвигании ЕПБО в Маастрихте было принято именно в то время, когда распался процесс автоматического принятия решений в НАТО. Стимулы для дальнейшего развития этого процесса сильны, как никогда.

С уважением,

Ив

Уважаемый Ив!

Я согласен с тем, что трансатлантические отношения находятся в процессе перемен, который отражает фундаментальное преобразование международной системы. В такой ситуации не удивительно, что между США и Европой существуют и даже усиливаются расхождения. Однако, проблема заключается не столько в самих расхождениях, а в том, как две стороны урегулируют их.

Может быть европейцам необходим кризис, чтобы побудить их к смелым и новаторским шагам

обязательство вмешиваться в международные дела и стать серьезным партнером США. Несмотря на все свои недостатки, Европейский союз остается единственной возможной основой, используя которую его члены смогут достичь эту цель.

И США, и Европейский союз несут огромную ответственность за мир и стабильность в мире. Европейцы часто и вполне обоснованно жалуются на политику США, но при этом подрывают свои позиции, отказываясь нести свою собственную ответственность. Учитывая вызовы третьего тысячелетия, у Европы появляется почти моральное

Это, в свою очередь, означает, что Европейскому союзу необходимы надежные структуры и соответствующие политические и военные средства. Повышение военного потенциала - это лишь один из аспектов такой деятельности и может быть даже не самый главный. Однако текущий дефицит военных возможностей можно и нужно устранять. Чем решительнее европейские страны будут проводить серьезную структурную реформу, тем менее дорогостоящей будет эта работа.

С учетом разных воззрений, концепций и целей вполне естественно, что Европа тратит на оборону меньше средств, чем США и имеет другие бюджетные приоритеты. Поэтому Вы верно заметили, что эталоном европейских усилий должно быть не сопоставление с США, а соответствие собственным устремлениям Европейского союза. Эффективные ОКВПБ и ЕПБО не только повысят роль Европы в мире, но также усилят трансатлантическое партнерство. Если же, в противовес этому, государства-члены ЕС не смогут сделать необходимые шаги для достижения этой цели, то они будут наказаны утратой своей значимости.

С уважением,

Буркард

ДОЛЖЕН ЛИ КОНТРТЕРРОРИЗМ СТАТЬ НОВОЙ ФУНКЦИЕЙ НАТО?



Дэниэл С. Хэмилтон - директор Центра трансатлантических отношений Университета Джона Хопкинса

ДА
ДА

Дэниэл С.
Хэмилтон

ДА



Сэр Тимоти Гарден - приглашенный профессор Центра оборонных исследований при лондонском Королевском колледже



НЕТ

сэр Тимоти
Гарден

Уважаемый Тим!

Я рад нашему обмену мнениями, так как считаю, что настало время открытой, откровенной дискуссии о будущем предназначении и задачах НАТО.

Наше видение Европы - целостной, свободной и мирной - становится вполне осуществимым. Решения, которые будут приняты этой осенью Европейским союзом и НАТО о расширении своего состава, могут помочь упрочить стабильность и демократию в странах от Балтийского до Черного морей. Совет НАТО-Россия и расширение сотрудничества России с Западом открывает огромные новые возможности.

Мы будем и далее сталкиваться в вызовами безопасности в Европе и участие США в делах нашего континента является необходимым. Балканы все еще представляют собой проблему, хотя там уже имеется определенный прогресс. Интеграция России и Запада является трудной задачей, решение которой потребует усилий одного или нескольких поколений. Повышение способности Европейского союза быстро и эффективно действовать при кризисах за его пределами, продолжая при этом процесс приема в свои ряды новых демократических государств, имеет особую важность. Двери НАТО должны оставаться открытыми и после пражского саммита. Однако, в целом, мы находимся на верном пути.

Мы можем гордиться этими достижениями. Однако нельзя на этом успокаиваться. Самый серьезный стратегический вызов современности брошен нам силами за пределами европейского континента. Опасность исходит не просто от терроризма, но от антизападного терроризма, связанного с применением оружия массового поражения. Он представляет собой угрозу существованию и Америке, и Европе.

Хотя в настоящее время главной целью атак являются США, «Аль-Каида» также планировала крупные операции в Европе. По сути дела, как отметил мой друг Саймон Серфати, в наш век катастрофического терроризма предпринимается атака на саму идею Европы - иными словами на усилия тех, кто пережил войну и совместно трудится над предотвращением повторения той огромной человеческой трагедии. Неспособность преодолеть этот вызов будет означать отказ от этой исторической идеи и американцы и европейцы окажутся во власти экстремистов, стремящихся не к изменению общества наших стран, а к его уничтожению.

В настоящее время вероятность того, что миллионы американцев и европейцев будут уничтожены оружием массового поражения террористов значительно больше той, что существовала во времена новых конфликтов на Балканах или опасности нападения России. Сегодня эта вероятность также выше, чем во время «холодной войны». У нас нет пока еще средств для противодействия этому вызову. Наш Североатлантический союз лучше всего подготовлен к борьбе с угрозами, вероятность которых минимальна, а к наиболее реальным угрозам он готов меньше всего.

Борьба с этой угрозой представляет собой стратегический вызов современности. Здесь необходима многомерная стратегия, опирающаяся не только на военную силу, но также на новые формы сотрудничества

Нападения, совершенные 11 сентября, изменили не нашу уязвимость перед катастрофическим терроризмом, а его понимание нами

в области дипломатии, финансов, экономики, разведки, таможни и полиции. Это означает необходимость приведения стратегии обеспечения национальной внутренней безопасности в соответствие с доктриной Североатлантического союза и гражданским чрезвычайным планированием для обеспечения нашей «внутренней безопасности НАТО». Это подразумевает новые формы сотрудничества между Европейским союзом и НАТО. Это означает ужесточение международных норм борьбы с терроризмом. Это означает распространение программ, предложенных сенаторами Нанном и Лугаром, на вопросы обеспечения безопасности оружия массового поражения, материалов и секретов его производства. Это означает решительную трансатлантическую стратегию для огромного региона, известного под названием большой Ближний Восток. Это означает деятельность по развитию экономики этих стран и содействию упрочению демократии, с тем чтобы ликвидировать условия, создающие плодородную почву для террористов. Это означает расширение нашей помощи другим странам. Это означает укрепление государственности.

Здесь целый комплекс трудных задач. Не слишком ли мы далеко замахиваемся? Может быть американцы приняли чрезмерные ответные меры на несколько узконаправленных, хотя и ужасных, нападений на США? Мой ответ на это - нет. Необходимость такой стратегии существовала и 10 сентября, поэтому в последние годы администрации Клинтона мы стремились оснастить Североатлантический союз новыми средствами борьбы с оружием массового поражения. Однако союзникам не доставало ощущения срочности этого вопроса.

Нападения, совершенные 11 сентября, изменили не нашу уязвимость перед катастрофическим терроризмом, а его понимание нами. Это был поистине тревожный сигнал. Сколько еще погибнет тысяч или миллионов американцев и европейцев прежде чем мы начнем действовать сообща?

Эта всеобъемлющая стратегия рассчитана не только на НАТО, однако НАТО должна стать важным компонентом более широкомасштабных усилий. Сенатор Ричард Лугар кратко выразил эту мысль так: «В мире, в котором нападения на наши страны, на которые распространяется ст. 5 Вашингтонского договора, могут планироваться в Германии, финансироваться в Азии, а проводиться в США, старые различия между пределами зоны ответственности становятся бессмысленными... Если угрозы нашей безопасности по ст.5 могут исходить из стран за пределами Европы, то НАТО должна обладать способностью действовать за пределами Европы для борьбы с ними, если она намеревается выполнять сегодня свою традиционную миссию».

Если мы не сможем защитить наши страны от крупных террористических нападений с применением оружия массового поражения, то это будет означать, что Североатлантический союз не справился со своей самой первостепенной задачей. Он перейдет на второстепенные роли и уровень нашей безопасности еще больше понизится. Такая несостоятельность будет определенно иметь негативные последствия и для той роли, которую НАТО играет в Европе.

Вопрос противостояния угрозе терроризма в сочетании с оружием массового поражения должен стать центральным на пражском саммите. Важными вопросами повестки дня станут приглашения другим странам вступить в НАТО и активизация партнерства между Россией и НАТО. Однако после своего расширения НАТО должна стать организацией еще в большей степени приверженной кампании против терроризма.

С уважением,

Дэн

Уважаемый Дэн!

Хочу надеяться, что все Ваши надежды сбудутся. Времена, когда члены НАТО были едины во взглядах на общую угрозу ушли в прошлое. Окончание «холодной войны» стало великой победой для Североатлантического союза, однако ностальгические мечты о том, что старые и новые члены НАТО будут трудиться вместе, исходя из общей перспективы, к сожалению, неизбежно приведут к разочарованию. НАТО хорошо справлялась с задачей поиска своего нового предназначения в течение бурного десятилетия девяностых годов.

Балканы принесли успех НАТО, несмотря на неуверенное начало действий главными участниками на обеих сторонах Атлантики. Однако, опыт воздушной кампании в Косово определил характер размышлений американцев и европейцев о будущем. Раздражение американцев в связи с необходимостью обеспечивать 80% необходимого потенциала и при этом еще вести переговоры для достижения консенсуса с восемнадцатью другими странами по способам военных действий, оказало впоследствии определенное влияние на их мышление. Я опасаясь, что Косово войдет в историю как первая и последняя война НАТО.

В середине кампании в Косово Североатлантический союз отпраздновал свое пятидесятилетие, выдвинул новую стратегическую концепцию и выступил с большими обещаниями. Самым важным из них было выдвижение Инициативы об оборонном потенциале (ИОП). Европейские члены НАТО признали свой дефицит потенциала и обещали принять конкретные меры по его устранению. В последующие три года ничего не произошло, за исключением дальнейшего урезания этого потенциала. Была предпринята другая попытка улучшить положение - Франция и Великобритания выступили с инициативой создания скромных европейских сил быстрого развертывания. Сначала это вызвало тревогу у тех, кто считал, что эти меры будут осуществляться за счет НАТО. Теперь это тревожит практически всех, так как в ближайшем будущем новых сил и средств, на которые может рассчитывать НАТО, не предвидится.

Несомненно, что террористические нападения на Вашингтон и Нью-Йорк, совершенные 11 сентября 2001 г., явились тревожным сигналом для западного мира. В нашем современном обществе появились новые аспекты

уязвимости, позволяющие малочисленным, но ярым противникам причинять крупномасштабные разрушения, не затрачивая при этом больших средств. Первоначальные ответные меры правительства США на это ужасающее нападение были взвешенными и точными. НАТО сама была удивлена той быстроте, с которой было принято решение о применении ст. 5 Вашингтонского договора. Однако в ретроспективе, эта быстрота и консенсус в связи с выражением поддержки явились еще одной вехой на пути НАТО к все большему бессилию. Президент Буш был, несомненно, благодарен за такие беспрецедентные действия, также как и за обещания поддержки других дружественных регионов. Но где же была НАТО, когда дело дошло до реальных операций в Афганистане? США, которые обожглись на опыте Косово, решили обращаться на двусторонней основе к тем союзникам по НАТО, у которых были хоть какие-то необходимые средства.

После смены режима в Афганистане у членов НАТО отсутствуют единые взгляды на оптимальные средства борьбы с долгосрочной угрозой международного терроризма. Европейцы, обладающие значительным опытом контртеррористической борьбы, знают, что здесь нет краткосрочных военных ответов. Как Вы говорите, нам необходима многомерная стратегия, опирающаяся не только на военную силу, но и на новые формы сотрудничества в областях дипломатии, финансов, экономики, разведки, таможни и полиции. НАТО – неподходящая структура для таких разветвленных и сложных подходов.

Среди членов НАТО нет единой точки зрения на оптимальные средства борьбы с долгосрочной угрозой международного терроризма

К счастью, Европа подступает к применению наднационального подхода к подобным новым проблемам в области безопасности. Европейский союз обеспечивает механизм для принятия общих подходов к вопросам юстиции и внутренних дел. Несмотря на трудности в сведении вместе разведывательных данных о террористах, существующие даже между ведомствами внутри одной страны, по сравнению с НАТО у Европейского союза имеются значительно лучшие перспективы в создании полезного сотрудничества в этой области. Сила Европы заключается в стремлении устранить давние причины возникновения терроризма посредством мер по предотвращению кризисов и внешней помощи, на которые в настоящее время она расходует в три раза больше средств, чем США. Европейский союз не смог добиться успеха только в области создания военного потенциала, а НАТО мало что удалось сделать, чтобы ликвидировать эту слабость.

Если НАТО примет решение поставить вопрос борьбы с терроризмом в центр своей деятельности, трансатлантические расхождения по поводу стратегии и тактики углубятся. Лучше будет, если мы согласимся с тем, что в течение нескольких предстоящих лет НАТО будет просто оказывать общую поддержку. Она будет облегчать, при необходимости, создание военных коалиций. Она будет обеспечивать гарантии новым государствам-членам и служить форумом, на котором будут делаться претенциозные жесты в адрес бывших противников. Мы все будем довольны, если она продолжит свое существование, однако, было бы глупо думать, что ее члены готовы дать США свободу действий и поддержать их точку зрения о том, как бороться с терроризмом. НАТО была актуальной в век взаимного сдерживания. Для решения современных глобальных проблем, которые входят за рамки терроризма, необходимо сотрудничество Европейского союза и США, причем через усиленную ООН, а не через региональный военный союз.

С уважением,

Тим

Уважаемый Тим!

Между нами нет расхождений в том, что Америка и Европа, наряду с другими странами и в рамках многочисленных объединений и институтов, должны вести широкую многостороннюю кампанию против терроризма. Но наше расхождение во взглядах вызвано тем, что я считаю, что НАТО должна быть одним из таких институтов. Я не говорю, что эту кампанию НАТО должна вести самостоятельно. Я говорю, что ее должна вести также и НАТО. Я не говорю, что военная сила должна быть первой линией нашей обороны. Я говорю, что военная сила и сотрудничество Североатлантического союза должны стать неотъемлемой частью этой обороны.

Ваше возражение заключается не в том, это нежелательно, а в том что это недостижимо, так как американцам не нравится воевать под поличительством других, а предубежденные европейцы неспособны воевать вместе со своим американским союзником. Позвольте мне рассмотреть эти вопросы.

Мы разделяем разочарование в связи с первоначальным отказом администрации Буша на предложения помощи в Афганистане. Какая это была ошибка! Перспективные выгоды совместного участия были бы огромны и превысили бы трудности любых взаимных коррективов, которые бы потребовались бы при этом. Этот отказ также ослабил НАТО в глазах американской общественности и конгресса. Это еще может отозваться на администрации во время ратификации решения о расширении НАТО в Сенате США. Кажется, что некоторые члены администрации все же признали это и приветствовали последующую помощь союзников по НАТО.

Мы также разделяем разочарование медлительностью европейцев в повышении своего военного потенциала. Однако то, что европейские силы не могут делать все, не означает, что они не могут делать ничего. Вместо подновления старых инициатив, нам нужно воспользоваться возможностью, предоставляемой событиями 11 сентября, и организовать европейские силы в соответствии с новыми вызовами. Для таких действий первостепенной задачей может стать создание элитных ударных сил НАТО, способных выполнять задачи экспедиционного характера и действовать в условиях конфликтов высокой интенсивности. Можно начать с малого и со временем наращивать эти усилия.

Борьба с угрозой применения террористами оружия массового поражения не означает лишь проецирование силы. Это также означает упрочение внутренней безопасности. По-моему, ст. 5 предполагает наличие «внутренней территории НАТО» и нам необходимо планировать соответствующие усилия в области безопасности с учетом этого трансатлантического аспекта. НАТО продвигается вперед с минимальными усилиями, это движение следовало бы усилить. Мы оба согласны с тем, что такие усилия должны прежде всего опираться на сотрудничество по широкому кругу других направлений деятельности.

Исторически сложилось так, что система обороны США строится на основе проецирования силы, а не обеспечения территориальной безопасности. Европейские силы ориентированы в другую сторону. В эту новую эпоху каждому из нас необходимо усилить



свою деятельность именно в той области, в которой у нас имеются возможности и опыт. Именно так появляется возможность взаимного усиления.

Вы утверждаете, что мы должны удовлетвориться тем, что НАТО, в том числе и американские силы, будут уделять главное внимание поддержанию мира в Европе. Я не считаю, что мы можем изолировать нашу роль в Европе от нашей роли за ее пределами, особенно в связи с тем, что мир в Европе может быть

нарушен угрозами, исходящими от большого Ближнего Востока. Если американское присутствие в Европе не связано с борьбой с самым серьезным вызовом нашей безопасности, и если наши европейские союзники говорят нам, что теперь они через Европейский союз могут решать вопросы европейской безопасности, то все большее число американцев будут задаваться вопросом почему вообще крупные боевые формирования США должны базироваться на европейском континенте.

В Праге наши руководители будут поставлены перед простым выбором. Они могут либо переориентировать величайший в истории союз на борьбу со стратегическим вызовом нашего времени, либо присутствовать при его развале. Вы правильно задаете вопрос о том, готовы ли сейчас наши правительства к такому партнерству или даже хотят ли они его. Главное различие между нами заключается в том, что я считаю, что первое решение все еще возможно, в то время как Вы исходите из того, что выбор уже сделан в пользу второго.

С уважением,

Дэн

Уважаемый Дэн!

Боюсь, что то, как Вы характеризуете нашу дискуссию, показывает, как болезненно подобная дискуссия должна проходить в НАТО с учетом постоянной необходимости достижения консенсуса. Очевидно правильно, что США не нравится вести войны при попечительстве других, а кому это понравится? Но неверно то, что: «Европейские союзники неспособны воевать вместе со своими американскими союзниками». Более того, различие во взглядах на характер борьбы с терроризмом значительно затрудняет учет Соединенными Штатами мнений своих союзников по НАТО. В Европе это рассматривают не как вопрос того, как «воевать вместе», а скорее как необходимость быть готовым подчиниться желаниям США, и уж никак не подвергать сомнению общую стратегию.

Тот факт, что мы разделяем разочарование по поводу неспособности администрации США с самого начала включить НАТО в свою борьбу с терроризмом, не меняет сути дела. В результате этого произошло ослабление НАТО и уменьшение степени ее необходимости. В США могут рассматривать создание элитных ударных сил НАТО в качестве первостепенной задачи, но кто будет принимать решения о месте и времени их боевого применения? США могут выделять Иран, Ирак и Северную Корею как часть «оси зла», но анализировала ли НАТО эту концепцию и подписалась ли она под ней? Многие европейцы (и некоторые американцы) думают, что с отторжением Ирана, который мог оказать большую помощь в ряде областей, была совершена большая стратегическая ошибка. Будут ли эти ударные силы НАТО предоставляться для оказания помощи Израилю в подавлении палестинцев? Это лишь два примера того, как велики различия на обеих сторонах Атлантики в подходах к международным отношениям.

Да, противодействие терроризму предполагает прежде всего меры по обеспечению внутренней безопасности страны. Более того, я бы даже сказал, что США рассматривают этот аспект обороны более серьезно, чем правительства европейских стран. С другой стороны в Северной Америке еще предстоит многое сделать, так как там давно уже не сталкивались с крупномасштабной террористической угрозой. Но обеспечение внутренней безопасности предполагает прежде всего работу полиции, сбор разведданных, деятельность пограничников, служб оказания срочной помощи, и внутреннюю координацию действий органов власти. Несмотря на использование США в период после 11 сентября прошлого года самолетов «АВАКС», принадлежащих НАТО, я сомневаюсь, что Соединенные Штаты будут приветствовать более широкое участие НАТО в своих внутренних делах, так же как и правительство любой другой страны. Военный аспект важен, но он относительно мал в этой важной сфере безопасности.

В США могут рассматривать создание элитных ударных сил НАТО в качестве первостепенной задачи, но кто будет принимать решения о месте и времени их боевого применения?

Я не полностью согласен с Вашей точкой зрения о том, что: «Исторически сложилось так, что система обороны США строится на основе проецирования силы, а не обеспечения территориальной безопасности. Европейские силы

ориентированы в другую сторону». Все зависит от того, какой период в истории и какие европейские государства Вы рассматриваете. Однако, это справедливая оценка современного состояния военных возможностей на обеих сторонах Атлантики. Я не связываю особых надежд с Вашим стремлением к взаимному усилению, в том смысле что США будут обращаться за помощью к Европе по вопросу территориальной обороны, а Европа последует за США в стремлении организовать дорогостоящее высокотехнологичное проецирование мощи, да она и не верит в то, что это решит проблемы обездоленных в нашем мире, которые потеряли все надежды.

Итак, что же это означает для саммита в Праге? Выбор здесь не так прост. Слишком большие усилия по переориентации Североатлантического союза в новом и решающем направлении будут означать, что в его гроб будет забит еще один гвоздь. Несомненно, руководители подпишут какое-либо торжественно звучащее заявление, которое каждый из них будет истолковывать по-своему. Это послужит причиной еще большего разочарования и утраты иллюзий на обеих сторонах Атлантики. Почему бы не использовать встречу в Праге для того, чтобы отпраздновать реальные достижения НАТО в период после «холодной войны» на Балканах? Использовать этот пример, чтобы показать как НАТО может применять свой военный опыт для решения некоторых вопросов искоренения долговременных причин терроризма посредством стабилизации анархических регионов. Но если НАТО будет использоваться в качестве дубинки США для того, чтобы заставить европейцев принять американское видение мира, то тогда Североатлантический союз действительно обречен.

С уважением,

Тим

Уважаемый Тим!

Трансатлантическими расхождениями никого не удивишь. Даже у основателей НАТО при ее создании не было единой точки зрения на то, как бороться с Советским Союзом. У союзников регулярно возникали ссоры о том, как противодействовать Москве во времена «холодной войны», а расхождения

по вопросу Балкан после «холодной войны» чуть не привели к развалу Североатлантического союза. Тем, кто беспокоится, что в НАТО полный беспорядок, можно ответить старой шуткой: «А был ли в НАТО когда-либо порядок?». Проверка надежности союзников заключается не в отсутствии у них разногласий, а в их способности урегулировать их таким образом, чтобы объединиться с учетом сильных сторон и взглядов каждого и направить их в нужном направлении. Никто не говорит, что это просто. Но и победа в «холодной войне», вмешательство в войны расколовшие Югославию и поддержание мира в последующий период тоже не было легким.

Я согласен, что из этого ничего не получится, если администрация Буша будет рассматривать НАТО как дубинку для принятия союзниками американского видения мира. Я согласен, что некоторые представители администрации США

Проверка надежности союзников заключается не в отсутствии у них разногласий, а в их способности урегулировать их таким образом, чтобы объединиться с учетом сильных сторон и взглядов каждого и направить их в нужном направлении

сегодня выпускают это из вида. Я согласен, что если мы будем продолжать говорить, не слушая друг друга, не только НАТО, но и все наше трансатлантическое партнерство станет менее действенным.

Однако я не согласен с тем, что путем в восстановлению трансатлантических связей является ностальгическое празднование прошлых заслуг НАТО. Если пражская встреча сведется к этому, то нашим руководителям лучше оставаться дома. Встреча в Праге должна быть посвящена борьбе с будущими угрозами, а не купанию в лучах прошлой славы. Эти угрозы исходят от оружия массового поражения, находящегося в руках террористов. Мне кажется, что здесь, к счастью, имеется большая общность взглядов, чем Вы считаете. Министры уже договорились о том, что НАТО должна быть готова помогать в действиях по сдерживанию, обороне, срыву и защите при террористических нападениях или их угрозах, направляемых из-за границы против нашего населения, территории, инфраструктуры и вооруженных сил, особенно если это связано с химическим, биологическим, радиологическим или ядерным оружием. Вероятно, самое главное, что для выполнения таких задач они договорились о готовности НАТО разворачивать свои силы «при необходимости и там, где требуется».

Это первые важные шаги. Однако мы можем и должны сделать больше, причем сделать это вместе. Трудно? Да. Невозможно? Нет.

С уважением,

Дэн

Уважаемый Дэн!

Подобно членам НАТО мы соглашаемся по большинству вопросов, но при этом приходим к совершенно разным выводам. В самом начале нашего разговора я сказал, что ностальгические мечты неизбежно приведут к разочарованию. Но это не означает, что мы должны игнорировать недавний опыт Североатлантического союза. По опыту Балкан мы знаем, что у НАТО хорошо получается. Подобные задачи по стабилизации не исчезли. Более того, они приобрели еще большую важность. «Государства-неудачники» являются рассадниками терроризма. НАТО может помочь в восстановлении порядка и законности.

Остается вопрос различий в оценке характера угрозы. Вы выразили ту степень тревоги по поводу долгосрочной террористической угрозы, которую теперь так сильно ощущают в США. Конечно же, Европа также озабочена ею, причем уже на протяжении многих лет. Однако слишком большая концентрация внимания на этой одной потенциальной проблеме создает опасность разбалансировки нашего общего подхода к обеспечению безопасности.

**«Государства-неудачники» являются
рассадниками терроризма. НАТО
может помочь в восстановлении
порядка и законности**

Нынешняя администрация США, как представляется, полностью сосредоточилась на своей войне с терроризмом посредством нанесения упреждающих ударов в отдаленных странах.

Серия военных авантур в Ираке, Иране и других странах может в итоге усилить угрозу терроризма и одновременно с этим повредить демократии в наших собственных странах. Европа рассматривает текущее стратегическое положение как требующее более комплексного подхода. Попытки заставить НАТО действовать как римские легионы, которым поручено принудительно устанавливать западную империю, не вызовут желаемого отклика.

Может быть, не нужно так беспокоиться о трудностях пражского саммита. Наши дипломаты как всегда замечательно справятся со своей работой. Будут высказаны заверения участникам следующего тура расширения НАТО. Россия почувствует свою важность и востребованность. Европейцы почувствуют, что им удалось оказать сдерживающее влияние на американцев. И самое главное - США почувствуют, что они остаются у руля глобальной политики в области безопасности. Каждый получит свое - все как обычно.

С уважением,

Тим

СМОЖЕТ ЛИ НАТО ОСТАВАТЬСЯ ЭФФЕКТИВНЫМ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ СОЮЗОМ ПРИ ПРОДОЛЖЕНИИ ПРОЦЕССА РАСШИРЕНИЯ?



Рональд Д.
Асмус
ДА

Рональд Д. Асмус - старший научный сотрудник по научным исследованиям трансатлантических вопросов вашингтонского Германского фонда США им. Маршалла



НЕТ
Чарльз Грант

Чарльз Грант - директор лондонского Центра по европейской реформе



Уважаемый Чарльз!

Я рад нашему обмену мнениями. Как сторонник расширения НАТО и сохранения ее эффективности, я уже давно считаю, что необходимо открыто и честно рассмотреть этот вопрос.

Естественно, НАТО может сохранить свою эффективность в процессе своего укрупнения. Сможет ли она это сделать - это другой вопрос и я им займусь через секунду. Однако, сначала самое главное. В принципе, увеличение числа атлантических союзников - это хорошо. В прошлом расширение состава усиливало НАТО, а не ослабляло ее. Причем страны-кандидаты из Центральной и Восточной Европы зачастую с большим энтузиазмом относятся к НАТО, чем некоторые из ее нынешних членов.

Стратегическая цель расширения НАТО заключалась в преодолении разделения Европы времен «холодной войны», упрочении демократии в Центральной и Восточной Европе и превращении Североатлантического союза в краеугольный камень новой общеевропейской структуры безопасности. Это означало, что Североатлантический союз в конце концов будет включать в себя большую (если не всю) часть восточной половины континента. Отдельные страны будут оставаться вне союза, так как они не будут соответствовать предъявляемым требованиям или не захотят вступать в НАТО по своим историческим причинам. Однако окончательные контуры НАТО (так же как и Европейского союза) будут отражать облик современной Европы и поэтому в нее итоге будет входить 25-30 стран.

Однако этим мы не полностью ответили на поставленный вопрос: станет ли современная НАТО (в ее современном состоянии, а не теоретически) сильнее после расширения, особенно, если на пражском саммите этого года будет принята большая группа кандидатов. Мой ответ на это - Североатлантический союз сможет эффективно функционировать в таком составе, если нам удастся успешно решить три следующие задачи.

Во-первых, нам необходимо обсудить вопрос оптимизации НАТО после расширения. Может потребоваться пересмотр, причем может быть даже радикальный пересмотр, того, как ведется работа в Североатлантическом союзе. Мы должны обсудить это открыто и без каких-либо табу. Удивительно, что в Европейском союзе идет широкая дискуссия по вопросу его функционирования после расширения, а в НАТО об этом ни слова.

Я понимаю деликатность этого вопроса. Однако если мы не можем обсудить это с официальными кругами в НАТО, то может быть еще до встречи в Праге следует собрать группу мудрецов для рассмотрения этого вопроса.

Во-вторых, эффективность НАТО в будущем будет прежде всего зависеть от результатов деятельности и возможностей ее членов - как новых, так и старых. Реальное положение дел таково, что результаты деятельности первых трех новых членов оказались не такими хорошими, как мы надеялись. А многие нынешние страны-кандидаты еще меньше и слабее. Нам необходима лучшая система оказания помощи новым членам после их вступления в Североатлантический союз, что бы они лучше справлялись со своими обязанностями после постепенного ослабления требований к их деятельности. Однако, будем честными. Нам также необходима лучшая система стимулов для нынешних союзников, чтобы обеспечить их соответствие требованиям. Большая часть современных слабостей НАТО являются результатом не

вступления новых членов, а плохой работой в последние годы старых членов.

Эффективность НАТО в будущем будет прежде всего зависеть от результатов деятельности и возможностей ее членов как новых, так и старых

В третьих, по-моему, ключевым вопросом будущего будет не численный состав НАТО, а ее главная цель. Главное здесь не список членов, а обоснование их деятельности. В девяностые

годы НАТО проделала переход от союза между США и западноевропейскими странами, направленного на сдерживание остаточной российской угрозы, к союзу между США и Европой в целом, который протянул руку дружбы своему бывшему врагу, России, и переориентировал свою деятельность для противостояния новым угрозам. Уже в это время некоторые из нас поднимали вопрос о том, как будет развиваться НАТО, «если» и «когда» нам удастся стабилизировать Центральную и Восточную Европу и наладить отношения с Россией на новой основе сотрудничества.

Может быть этот день уже настал. Нам почти удалось упрочить мир и стабильность в восточной части континента. Опасность того, что из России вновь будет исходить угроза своим соседям становится все меньше. Хотя все еще существуют источники нестабильности в Евроатлантическом регионе, они уже не представляют собой главных или жизненных угроз нашей безопасности. Все это, естественно, хорошие новости. В тоже время события 11 сентября показали нам, что есть другие жизненные угрозы безопасности членов НАТО, однако они исходят из регионов, лежащих вне Европы и к этим угрозам Североатлантический союз подготовлен плохо.

Поэтому НАТО стоит перед важнейшим выбором. Она может продолжать уделять главное внимание уменьшающимся угрозам в Евроатлантическом регионе. Ее главной задачей будет, по существу, продолжать поддерживать стабильность на и так уже стабильном континенте. С другой стороны, Североатлантический союз может трансформировать себя с целью противостояния главным современным угрозам безопасности, источники которых почти всегда находятся за пределами Европы. В этом случае НАТО останется военным союзом, но будет уделять главное внимание новым военным угрозам, с которыми сталкиваются ее члены.

Эти вопросы весьма важны. Я надеюсь обсудить их с Вами.

С уважением,

Рон

Уважаемый Рон!

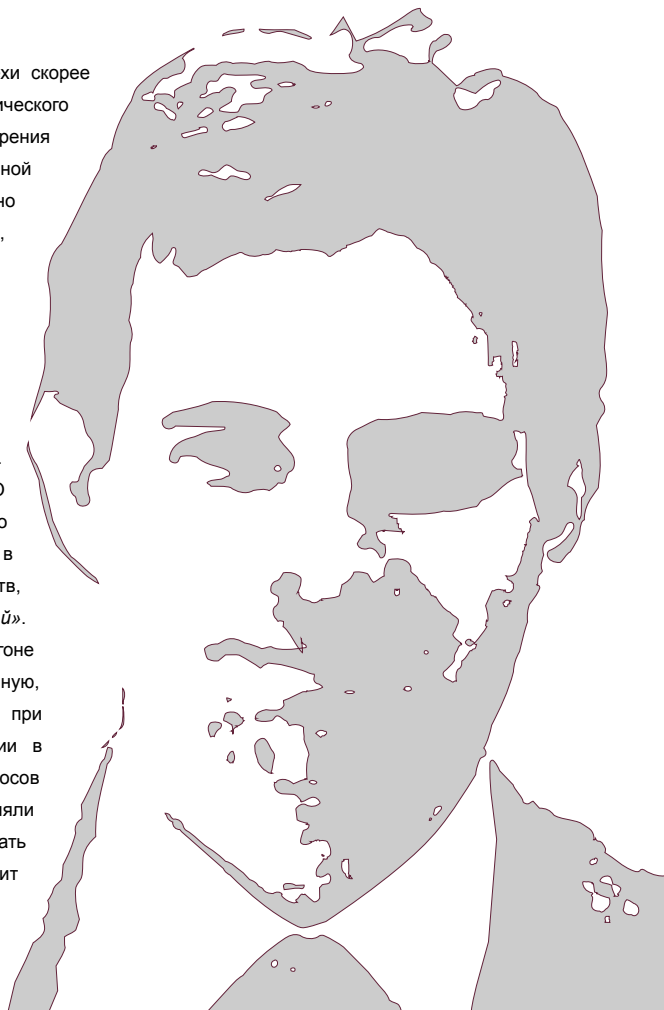
Я согласен с Вами, что НАТО - это ценная организация, которой крайне необходима реформа. Я также согласен, что расширение Североатлантического союза в направлении Центральной и Восточной Европы желательно. НАТО, как и Европейский союз, способствует распространению мира, безопасности и стабильности в восточной части континента. Однако, я сомневаюсь, что новая НАТО после расширения своего состава будет сильной военной организацией.

Когда Вы говорите о сильной НАТО, Вы имеете в виду сильной в военном смысле. Я думаю, что Североатлантический союз сохранит свою политическую значимость, но при этом его военная значимость уже уменьшилась и будет продолжать уменьшаться. Естественно, Североатлантический союз всегда служил военным и политическим целям. После окончания «холодной войны» НАТО поставила себе новую военную задачу по поддержанию мира на Балканах. В общем, однако, политическая роль Североатлантического союза в качестве общеевропейской организации по обеспечению безопасности, стала наиболее важной. В 1997 г. США подтолкнули своих союзников к принятию трех новых членов, также как они подталкивают их теперь принять в НАТО еще несколько стран на ноябрьском пражском саммите с тем, чтобы закрепить их в евроатлантическом политическом пространстве.

Однако, как Вы сами признаете, венгры, поляки и чехи скорее понижают военную эффективность Североатлантического союза, чем повышают ее. Следующий тур расширения НАТО ослабит сплоченность и эффективность военной организации. Нынешняя администрация Буша, подобно администрации Клинтона, в которой Вы работали, полагает, что политические выгоды расширения имеют большее значение, чем потери в военной области. Я согласен с этим.

События, происходившие после 11 сентября, несомненно усилили долгосрочную тенденцию НАТО в сторону усиления политического аспекта организации. Администрация Буша не захотела использовать НАТО в войне в Афганистане. Это объясняется частично совершенно справедливой причиной отсутствия в Североатлантическом союзе многих сил и средств, необходимых для борьбы с «Талибаном» и «Аль-Каидой». Однако, это произошло и потому, что многие в Пентагоне рассматривают НАТО как относительно периферийную, европейскую организацию. Они использовали ее при проведении воздушной кампании в Косово и Сербии в 1999 г., но при этом убедились, что решение вопросов в ее многочисленных комитетах, которые позволяли отдельным странам, таким как Франция, накладывать вето на бомбардировки определенных целей, происходит невероятно медленно.

Соединенные Штаты вряд ли захотят использовать НАТО для ведения другой серьезной войны. Они



скорее сами будут управлять военной операций, может быть привлекая к участию в системе военного управления нескольких самых близких союзников. США, конечно же, довольны тем, что НАТО проводит миротворческие операции на Балканах. Однако, Европейский союз скоро начнет брать на себя часть этих миротворческих задач, если только он совершенно не справится со своей «приоритетной целью» и окажется неспособным, развернуть к 2003 г. силы, численностью 60 тыс. человек и обеспечить их действия в течение года. Уже теперь существуют планы, в соответствии с которыми Европейский союз должен заместить НАТО в качестве органа, руководящего контингентом численностью 1 тыс. военнослужащих (все они европейцы) в бывшей югославской Республике Македонии*. Если Европейский союз сможет успешно справиться с этой задачей, то позднее он сможет взять на себя проведение боснийской миссии. Администрация Буша ясно дала понять, что европейцам необходимо брать на себя больше ответственности за свои собственные дела и это представляется вполне обоснованным.

НАТО может продолжать заниматься теми миротворческими миссиями, выполнение которых Европейскому союзу будет казаться как слишком трудным. Будет ли НАТО тогда рассматриваться как сильная военная организация, по сравнению с НАТО, которая обороняла Европу от Советского Союза или проводила воздушную кампанию в Косово?

Однако военные задачи НАТО, несомненно, менее важны, чем ее политические задачи

Я, конечно же, не имею в виду, что задача миротворчества не важна. Я также высоко ценю роль, которую играет НАТО в содействии своим членам в повышении оперативной совместимости их сил, с тем,

чтобы они могли поддерживать между собой связь и взаимодействовать при проведении совместных операций. Европейский союз сможет успешно проводить миротворческие операции на Балканах только в том случае, если будут использоваться навыки разработчиков оперативных планов НАТО и умение сотрудничать, выработанное у ее членов благодаря участию в объединенной военной структуре НАТО (также и у стран, которые не входят в объединенную военную структуру, но участвуют в операциях под руководством НАТО на Балканах, в частности, Франции и нейтральных стран ЕС).

Однако военные задачи НАТО в качестве миротворческой организации и крестного отца зачаточных военных амбиций Европейского союза, несомненно, менее важны, чем ее политические задачи: поддержание участия США в обеспечении безопасности Европы; помощь в объединении двух половин континента; а также в будущем, как я надеюсь, обеспечение официального места России в решении вопросов европейской безопасности. Идея премьер-министра Великобритании Тони Блэра о новом совете в составе 19 членов НАТО плюс Россия, в котором они смогут обсуждать темы, вызывающие общую озабоченность, обнадеживает. Я сожалею, что консервативные элементы в Пентагоне (во всяком случае пока) замедляют осуществление этой идеи.

Я вижу, что НАТО становится общеевропейской организацией, у которой все же пока будет сохраняться военная структура. Эта структура будет преимущественно ориентирована на Европу и ее ближнее зарубежье. Мне кажется, что Вам хотелось бы, чтобы НАТО играла активную глобальную роль в борьбе против терроризма. Готова ли НАТО к такой задаче? Да и многие ли в американских вооруженных силах разделяют Вашу точку зрения?

С уважением,

Чарльз

Уважаемый Чарльз!

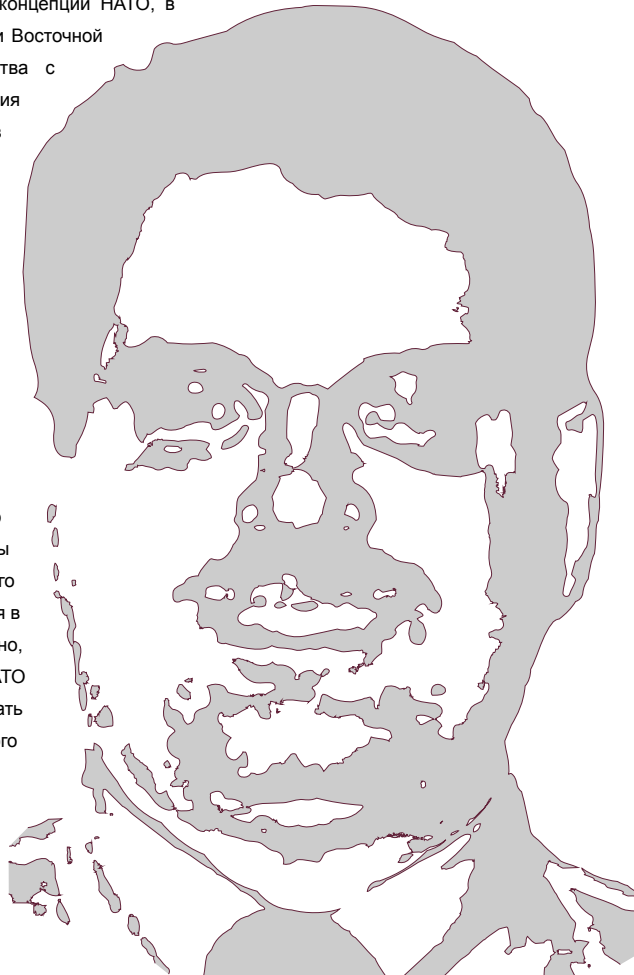
Станет ли НАТО сильнее в военном отношении или слабее после расширения зависит от той политики, которую мы разработаем. В политике НАТО нет закономерности, в соответствии с которой по мере своего расширения НАТО становится слабее в военном отношении. Новым членам было труднее интегрироваться, чем мы надеялись, но они не ослабили НАТО. Они вносят свой реальный вклад в деятельность на Балканах и в других местах. Со временем их вклад возрастет. После борьбы за свою свободу эти страны понимают необходимость ее защиты.

На самом деле наши расхождения связаны совсем с другим. Вы говорите, что роль НАТО становится все более политической, так как военные угрозы в Европе исчезают, а противодействие НАТО новым угрозам, исходящим из регионов за ее пределами, либо слишком трудно или нежелательно. Я полагаю, что НАТО должна противостоять этим угрозам. Мне кажется, что «политическая» НАТО, облик которой Вы обрисовали, быстро превратится просто в «домохозяйку» континента. Если НАТО не будет участвовать в решении главных стратегических вопросов, стоящих перед нашими странами, она перестанет играть центральную роль в нашей политике. «Политическая» НАТО - это начало ее кончины.

Администрация США, в которой я работал, исходила из концепции НАТО, в соответствии с которой после стабилизации Центральной и Восточной Европы и закрепления новых отношений сотрудничества с Россией естественным дальнейшим направлением развития Североатлантического союза будет решение новых задач в более далеких регионах, откуда будут исходить угрозы в будущем. В преддверии вашингтонского саммита 1999 г. мы пытались заложить фундамент, позволяющий НАТО продвигаться в этом направлении, но добились малого, так как большинство европейских союзников предпочли ограничить роль НАТО операциями по урегулированию кризисов в ближнем зарубежье Европы.

Но разве события 11 сентября не показали, что нам не хватило дальновидности? Ближнее зарубежье Европы это не единственный и не главный регион, откуда исходят угрозы нашей безопасности по ст. 5 Вашингтонского договора. Они проистекают из регионов за пределами Европы от терроризма и стран, обладающих оружием массового поражения. В мире, где террористические атаки планируются в Европе, финансируются в Азии и проводятся в США, вероятно, бессмысленно говорить об ограничении деятельности НАТО лишь пределами ближнего зарубежья Европы. Что будет делать Европа, если террористы нанесут удар оружием массового поражения по крупному европейскому городу?

Я надеюсь, что 11 сентября уже прозвучал тревожным сигнал. Вскоре после террористических атак я присутствовал на ужине в Вашингтоне с министром иностранных дел одной из ведущих европейских стран. Он задал вопрос, не будут ли будущие истории



критиковать наших лидеров за самоуспокоенность и атрофию нашей обороны в то время, когда возникла новая угроза тоталитаризма. Наверно, он прав. На вашингтонском саммите руководители государств и правительств стран НАТО обязались упрочить Североатлантический союз, чтобы он был не менее эффективным в борьбе с угрозами XXI века, чем при достижении победы в «холодной войне». При серьезном отношении к этому обязательству мы должны превратить НАТО в надежное орудие для борьбы с современными угрозами.

В политике НАТО нет закономерности, в соответствии с которой по мере своего расширения НАТО становится слабее в военном отношении

Многие ли в Вашингтоне разделяют мою точку зрения? Их больше чем, когда я и другие впервые выступили в поддержку расширения НАТО. Но, говоря более серьезно, я по-прежнему надеюсь, что администрация Буша

будет укреплять унаследованный фундамент и сделает центральной темой пражского саммита новые миссии. Будет ошибкой отказаться от этой политики именно тогда, когда европейцы воспринимают ее как необходимость. В течение десятилетий США призывали европейских союзников играть более активную роль за пределами зоны ответственности НАТО. После 11 сентября наша потребность в союзниках и союзах увеличилась, а не уменьшилась.

Я считаю, что администрация Буша упустила возможность после 11 сентября упрочить консенсус в НАТО по вопросу новых задач. Однако проблема заключается не только в инстинктах администрации применять односторонний подход. Это еще и неоднократно проявившаяся неспособность Европы инвестировать в оборону или серьезно относиться к новым угрозам. Одним из разочаровывающих аспектов моей работы в Госдепартаменте было чтение отчетов о том, как из года в год европейские союзники не могли реализовать цели строительства вооруженных сил НАТО и как мало это заботило европейские правительства и общественность. Чем более серьезно европейцы будут относиться к своей обороне, тем серьезнее к ним будут относиться в Вашингтоне.

С уважением,

Рон

Уважаемый Рон!

Вы хотите, чтобы НАТО играла глобальную военную роль в борьбе с новыми угрозами безопасности. Наши разногласия с Вами заключаются, в основном, не в том как желательно развиваться НАТО по предлагаемому Вами пути. У меня имеются большие сомнения о осуществимости этого. Давайте сначала подумаем о географических масштабах НАТО. Вы правы в том, что современные угрозы безопасности носят глобальный характер. Американцы часто обвиняют европейцев в том, что они ориентированы на себя и беспокоятся только о своих делах. Верно, что у многих европейцев нет глобального видения, имеющегося у американской внешнеполитической элиты, и кроме того, будем откровенны, повышенное внимание к европейскому ближнему зарубежью - это проблема характерная лишь для некоторых малых стран ЕС.

Тем не менее именно европейцы, а не американцы, направили свои войска в Восточный Тимор. В Африке находятся английские и французские военные, а не американские. Даже в Кабуле Международные силы содействия безопасности состоят преимущественно из европейцев. Так что, не будем преувеличивать

обращенность Европы в себя. Конечно, европейцам не приходится определять первостепенные задачи, когда они составляют планы использования своих и без того малочисленных военных ресурсов. При рассмотрении мест применения своих воинских формирований в соответствии с «приоритетной целью» они думают о Балканах и Африке. Учитывая отсутствие интереса США к Африке и их желание уменьшить свое участие на Балканах, эти европейские приоритеты, наверно, обоснованы. Но так как у европейцев нет ресурсов для создания отдельных сил и средств планирования для операций ЕС и для НАТО, то НАТО (организации, членами которой за исключением двух, являются европейцы) нет смысла ориентировать свои планы главным образом на такие очаги напряженности, как Кашмир, Корея или Тайвань.

Правда, если бы администрация Буша захотела, чтобы НАТО участвовала в военных операциях, таких как в Афганистане, то этот довод изменился бы. Однако, насколько мне известно, администрация хочет, чтобы НАТО «присматривала» за Европой, пока в ходе односторонних действий или силами добровольных коалиций будут устраняться новые угрозы безопасности.

Разделение труда определяется не только географическими границами. Я разделяю Ваше разочарование в связи с деятельностью европейцев по развитию важных военных возможностей, которой мешает недостаточность бюджетов и, что

еще более важно, недостаточность военных реформ. Это не означает, что США становится все трудней взаимодействовать с силами европейских стран в конфликтах высокой интенсивности. Я согласен с Вами, что это наносит вред сплоченности Североатлантического союза, но если посмотреть реально, в обозримом будущем европейский военный потенциал резко не увеличится. Может быть следует признать, что значительное разделение труда неизбежно и надо постараться извлечь из этого максимальную выгоду. На каждой стороне Атлантики можно делать нечто, чего не хочет делать другая сторона: европейцы с готовностью выделяют многочисленные миротворческие формирования, а США предпочитают тратить деньги на высокотехнологичную военную технику. Поэтому они нуждаются друг в друге. Это может быть важным для сплоченности Североатлантического союза.

Наконец, Вы хотите, чтобы Североатлантический союз уделял главное внимание новым угрозам безопасности, таким как терроризм и оружие массового поражения (ОМП). Несомненно, что НАТО должна делать все возможное для борьбы с этими угрозами, но насколько она готова к выполнению ведущей роли? Борьба с терроризмом, конечно же, требует обмена разведанными и быстрого принятия решений. Крупная международная бюрократическая структура, которая вскоре, наверно, будет насчитывать 25 членов, не очень подходит для такой борьбы. Это же можно сказать в отношении ОМП. Ведь НАТО слишком проницаема и неповоротлива, чтобы организовать наступательную операцию для, скажем, уничтожения заводов по производству биологического оружия. Я подозреваю, что Пентагон будет скорее всего бороться с терроризмом и ОМП самостоятельно или с небольшой группой союзников, которым можно доверить тайну, и которые могут предоставить высоко обученные силы и согласиться действовать под американским командованием.

С уважением,

Чарльз

Уважаемый Чарльз!

Если мы согласны, что США и Европе необходимо стать центром будущего трансатлантического сотрудничества для борьбы с новыми угрозами нашей совместной безопасности, большая часть которых исходит от регионов за пределами Европы, то мы уже пришли к важной общности взглядов. Это не обязательно означает, что НАТО должна «выйти» на глобальный уровень (даже я не могу себе представить НАТО, действующую на Спратлийских островах). Но это означает, что НАТО должна обладать способностью действовать в Центральной Азии, на Ближнем Востоке или в Персидском заливе. Ведь, в конце концов, именно оттуда, вероятно, исходят величайшие будущие угрозы нашей общей безопасности.

Стратегический вопрос заключается в том, сможет ли Запад перестроиться и противостоять тому миру, в котором терроризм и оружие массового поражения стали новой угрозой, возможно, угрозой нашему существованию

Осуществимо ли это? Я не знаю. Но мы должны попытаться это сделать. Вы задаете законные вопросы и на них надо дать ответы. Однако, они связаны с вопросами, которые скептики задавали еще в 1949 г. при создании НАТО, а затем в начале девяностых годов, когда впервые

началось обсуждение расширения НАТО. Я рад тому, что наши руководители в те времена приказали своим помощникам найти пути решения этих вопросов и не последовали советам скептиков.

Сегодня нам нужен такой же подход и такая же преданность этому делу. Стратегический вопрос заключается в том, сможет ли Запад перестроиться и противостоять тому миру, в котором терроризм и оружие массового поражения стали новой угрозой, возможно, угрозой нашему существованию. Если самые передовые и богатые страны трансатлантического сообщества не могут понять, как это сделать, то тогда что-то здесь действительно не так. Я надеюсь, что нам не нужно ждать новых атак, жертвами которых могут стать еще большее число американцев или европейцев, прежде чем мы примем решение как действовать вместе.

Давайте также не будем сбрасывать со счетов администрацию Буша. Ее политика еще формируется. По вопросам расширения НАТО и отношений между НАТО и Россией она поддержала продолжение деятельности своей предшественницы. Ей еще предстоит решить будет ли она выступать на пражском саммите в поддержку новых миссий в качестве первостепенной задачи НАТО. Я надеюсь, что да. В противном случае, она может оказаться свидетелем перехода на второстепенные роли и последующего развала самого важного союза США.

С уважением,

Рон

Уважаемый Рон!

Вы, несомненно, правы, что НАТО должна быть готова к действиям в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Персидском заливе. Я согласен, что для выполнения новых миссий НАТО должна максимально развивать свою военную организацию. Даже если результаты этого будут не блестящими, НАТО сможет стать более полезным инструментом для своих членов, решительно преобразовав себя для противостояния новым вызовам в новых областях. И в своем первом письме Вы справедливо отметили, что НАТО необходима институциональная реформа. Может быть НАТО не требуется экстравагантный Конвент,

созданный Европейским союзом для пересмотра своих институтов, но следует создать группу знающих людей для рассмотрения основных положений деятельности НАТО.

Однако, вопрос о том, сможет ли НАТО превратиться в более эффективную организацию, для меня не самый острый. Дело в том, что политическим лидерам на обеих сторонах Атлантики становится все труднее приходить к общим точкам зрения

в их видении мира. Европейцы озабочены тем, что США, как им кажется, заинтересованы лишь в военных решениях проблем террористических угроз и практически не интересуются экономическими, политическими и культурными корнями терроризма, что они расходуют слишком мало средств на помощь в развитии беднейших стран мира, а так же, как представляется, у них появилась боязнь международных договоров. Американцы, со своей стороны, разочарованы неспособностью Европы повысить свой военный потенциал, их неповоротливыми и зачастую неэффективными институтами, их стремлением торговать с государствами-изгоями, а не подвергать их изоляции и угрозам, а также их стремлением возвеличивать международные договоры и организации.

Если американское и европейские правительства не смогут и в будущем найти взаимопонимания, как это имело место в первые два месяца этого года, то НАТО не сможет стать эффективной организацией. Однако, если они еще раз попытаются понять проблемы, беспокоящие друг друга, и говорить и действовать с учетом этих проблем, то американцам и европейцам удастся вновь обрести свою общую цель. И тогда у новой и преобразованной НАТО появится будущее в качестве инструмента достижения этой общей цели. Я уверен, что Вы согласны со мной.

С уважением,

Чарльз

*Турция признает Республику Македония под ее конституционным названием.

БИОГРАФИИ УЧАСТНИКОВ ДИСКУССИЙ



Рональд Д. Асмус - старший научный сотрудник отдела европейских исследований Совета по международным отношениям. В период с 1997 г. по 2000 г. он был заместителем помощника госсекретаря США по вопросам НАТО и европейской безопасности. Он также работал старшим научным сотрудником в Совете по международным отношениям, в корпорации «РЭНД» и на радио «Свободная Европа». Автор книги *«Открывая дверь НАТО»* (Columbia University Press, 2002 г.), представляющей собой историю дипломатических отношений в процессе расширения НАТО.



Макс Бут - старший научный сотрудник программы «Олин» по исследованию проблем национальной безопасности при Совете по международным отношениям в Нью-Йорке. Журналист, лауреат ряда премий, бывший редактор передовых статей газеты «Уолл стрит джорнал». Автор книг *«Война по-новому: четыре большие революции, которые изменили характер сражения»* (Gotham Books, в печати), и *«Жестокое войны мирного времени: малые войны и повышение американской мощи»* (Basic Books, 2002 г.).



Ив Бойер - заместитель директора парижского Фонда стратегических исследований и председатель Французского общества военных исследований. Он также является профессором *Специальной военной школы Сен-Кир* и специалистом в области вопросов обороны и международной политики. В настоящее время завершает книгу об оборонной политике Франции.



Фрэйзер Кэмерон - директор отдела научных исследований брюссельского Центра по европейской политике. С 1990 г. по 2002 г. работал в Комиссии европейских сообществ, где занимался вопросами внешней политики Европейского союза. Автор ряд книг и статей по вопросам внешней политики и Европы, в том числе *«Введение во внешнюю политику США»* (Routledge, 2002 г.) и *«Внешняя политика и политика в области обеспечения безопасности Европейского союза: прошлое, настоящее и будущее»*, (Sheffield Academic Press, 2000 г.).



Стивен Эвертс - старший научный сотрудник лондонского Центра по европейской реформе (ЦЕР) и директор его трансатлантической программы. Автор многочисленных статей по вопросам ЕС, опубликованных в ведущих европейских и североамериканских изданиях. По итогам конкурса эссе, организованного Ассоциацией внешней политики по теме *«США и Европа: трансатлантический дрейф или общая судьба?»* он, совместно с директором ЦЕР Чарльзом Грантом, стал лауреатом премии 2003 г. (10000 долл. США).



Чарльз Грант - директор Центра по европейской реформе (ЦЕР) в Лондоне. Автор многочисленных публикаций ЦЕР, в том числе *«Трансатлантическая трещина: как свести эти две стороны вместе»*, *«Европа в 2010 г.: оптимистическое видение будущего»* и *«Военная революция Европы»*, которую он написал в соавторстве с Гиллесом Андреани и Кристофом Бертрамом. В течение долгого времени работал журналистом в журнале *«Экономист»*, автор книги *«Делор: в доме, который построил Жак»* (Nicholas Brealey, 1994 г.).



Сэр Тимоти Гарден - приглашенный профессор Центра оборонных исследований лондонского Королевского колледжа. До этого был директором Королевского института международных отношений в Чэтэм Хаус. Профессиональный военный летчик. Завершил службу маршалом авиации. Был заместителем начальника генерального штаба вооруженных сил Великобритании по вопросам долгосрочного планирования в интересах всех трех видов вооруженных сил.



Даниэл С. Хэмилтон - профессор Школы перспективных международных исследований Университета Джона Хопкинса и директор Центра трансатлантических отношений. До этого занимал должность заместителя госсекретаря США по европейским делам и занимался вопросами НАТО и европейской безопасности, был специальным координатором США по стабилизации Юго-Восточной Европы и заместителем директора группы планирования политики при госсекретарях Мадлен Олбрайт и Уоррене Кристофере.



Франсуа Хейсбург - директор парижского Фонда стратегических исследований. До этого был председателем Совета фонда женеvского Центра политики в области безопасности и директором лондонского Международного института стратегических исследований, а также советником по вопросам международной безопасности министра обороны Франции. Его последняя книга - *«Гипертерроризм: новая война»* (Odile Jacod, 2001 г.).



Стив Ларраби - старший сотрудник вашингтонской корпорации «РЭНД» и заведующий кафедрой корпорации «РЭНД» по вопросам европейской безопасности. Автор многочисленных публикаций корпорации «РЭНД», в том числе *«Турецкая внешняя политика в век неопределенности»*, *«Ближний Восток в тени Афганистана»* и *«Ирак и восточная повестки дня НАТО в новую стратегическую эпоху»*, вышедших в 2003 г.



Эндрю Моравчик - профессор кафедры государственного управления и директор программы Европейского союза в Центре европейских исследований Гарвардского университета, где с 1992 г. преподает курс международных отношений. Он автор более 100 научных публикаций, в том числе *«Выбор Европы: социальная цель и государственная власть от Мессины до Маастрихта»* (Cornell University Press, 1998 г.).



Гаральд Мюллер - директор франкфуртского Института исследований проблем мира. Он ведет курс международных отношений в Школе специализированных международных исследований Университета Джона Хопкинса в Болонье. Член Консультативного совета по вопросам разоружения при генеральном секретаре ООН и автор многочисленных публикаций, в том числе, «*Америка наносит ответный удар: мировой порядок после 11 сентября*» (Fischer Taschenbuch, 2003 г.).



Андрес Ортега - обозреватель и автор редакционных статей испанской ежедневной газеты «Эль-Паис». До этого возглавлял отдел планирования политики в бюро тогдашнего премьер-министра Фелипе Гонзалеса. Работал журналистом в Брюсселе, Лондоне и Мадриде. Он также написал ряд книг по международным вопросам. Его последняя книга: *Horizontes cercanos : guía para un mundo en cambio* (Taurus, 2000 г.).



Буркард Шмит - старший научный сотрудник и заместитель директора парижского Института Европейского союза по исследованию вопросов безопасности, где он работает с 1998 г. Специалист в области вооружений и ядерных проблем, является автором ряда научных трудов по программе изданий «Шалио», в том числе «*Европейский союз и вооружения: как добиться большей мощи за свои евро*» (2003 г.).



Гэри Шмит - исполнительный директор Проекта «Новый век Америки» (г. Вашингтон, округ Колумбия). До этого был профессором Школы специализированных международных исследований Университета Джона Хопкинса и исполнительным директором Консультативного совета по внешней разведке президента Рональда Рейгана. Является автором ряда публикаций, в том числе «*Безмолвная война: вникая в мир разведки*» (Brassey's, 2002 г.), в соавторстве с Аграмом Н. Шульским.



Томас Валашек - словацкий аналитик, специалист в области вопросов европейской безопасности и директор брюссельского отделения Центра оборонной информации. До этого работал в Центре оборонной информации в Вашингтоне (округ Колумбия). Автор многочисленных публикаций, в том числе является одним из соавторов и редактором труда «*Трудности роста: дискуссия по вопросу следующего тура расширения НАТО*» (CDI, 2002 г.).

Статьи в разделе «Дебаты», представленные в этой книге, были первоначально опубликованы в журнале «*Вестник НАТО*», выпускаемом в электронном виде под эгидой генерального секретаря НАТО. Его цель - содействовать конструктивному обсуждению вопросов Североатлантического союза. Представленные здесь точки зрения не обязательно отражают официальные мнения или политику правительств государств-членов НАТО или самой организации. Перепечатка статей возможна полностью или частично без дополнительного разрешения, при условии упоминания названия, автора и издателя. *Вестник НАТО* выходит на языках государств-членов НАТО, а также на русском и украинском языках. Ознакомиться с ним можно на сайте НАТО www.nato.int/docu/review.htm



Отдел общественной дипломатии НАТО
1110 Брюссель - Бельгия

Вебсайт: www.nato.int
Эл. почта: natodoc@hq.nato.int